

Над осевшими могилами

Автор:

[Джесс Уолтер](#)

Над осевшими могилами

Джесс Уолтер

В городе, где полиция целыми днями разве что разнимает пьяные драки и отлавливает мелких наркоторговцев, происходит череда зверских преступлений. Расследуя серийные убийства городских проституток, разуверившаяся в себе детектив Каролина Мейбри, ее бывший наставник, увлеченный теоретик полицейской работы детектив Алан Дюпри, два аналитика из ФБР и вся полиция города Спокана, штат Вашингтон, месяцами охотятся на подозреваемого, который представляется им воплощением всех земных пороков. И однако, как обычно и бывает в жизни, подлинная картина гораздо сложнее, чем кажется, пороки бывают разные, а чужие поступки мы ради собственного удобства чрезмерно упрощаем и подгоняем под готовые трафареты.

Джесс Уолтер, автор «Великолепных руин», финалист Национальной книжной премии и лауреат премии Эдгара Аллана По, в своем дебютном романе повествует о мире, где не существует отчетливых границ между добром и злом, где у всякого преступления и всякой жестокости есть обратная сторона, а хороших и плохих парней не бывает в принципе, – о мире, постижение которого не приносит человеку утешения, но хотя бы позволяет в итоге сделать правильный выбор.

Джесс Уолтер

Над осевшими могилами

OVER TUMBLED GRAVES by Jess Walter

Copyright © 2001 by Jess Walter

Перевод с английского Александра Сафронова

Книга издана с разрешения автора и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Напряженный, умный и глубокий дебютный роман.

The Dallas Morning News

Самобытный и увлекательный образчик детективного жанра.

Philadelphia Inquirer

Первый роман Джесса Уолтера – полноценное погружение в психологию. Очень удачный дебют.

Booklist

Умный, увлекательный и взаправду страшный роман.

Отто Пензлер, The Mysterious Bookshop

Первоклассная проза мчит нас порогами непредсказуемых поворотов сюжета к завораживающему финалу.

Oregonian

Будоражит душу. Тонкая восприимчивость автора расцветает горькой метафорой.

New York Times Book Review

Великолепно. Увлекательно. Напряженность действия не уступает эмоциональному накалу.

The Washington Post Book World

Мощный дебют Джесса Уолтера – уникальный роман в обширном ряду детективов о серийных убийствах.

The Seattle Times

Стремительный сюжет этого триллера тащит за собой, точно морские течения, и полнится штормами.

Sun Sentinel

Джесс Уолтер (родился в 1965 году) не новичок в писательстве, в его послужном списке шесть детективов, но начинал он как репортер, и известность к нему пришла после его скандальных статей о роли американских спецслужб в историях, связанных с терроризмом и организованным криминалом. Один из детективов Уолтера получил премию Эдгара По.

Часть первая

Апрель. Погребение усопших

Над осевшими могилами

В тусклом свете луны

Что-то шепчет трава.

Т. С. Элиот «Пустошь»

1

Водопад завораживал. В паршивом настроении Каролину Мейбри всегда тянуло к реке. Желание забыться приводило ее к каменистым стремнинам, бурлившим в самом центре города. Спокойная в верховьях, изобиловавших безмятежными омутами, здесь Спокан ярилась и пенилась, безумствуя в водопаде.

Удивительно, как река притягивала. Бывало, Каролина спешила по делам, или утром бегала трусцой, или катила на велике, но вдруг оказывалась на пешеходном мосту, разделявшем водопад и плотину на Монро-стрит. И тогда, замороженная водяным каскадом в сердце города, постигала размах потока, проникаясь верой в иное предназначение реки, нежели транспортная артерия или источник энергии. Водный поток очищал город, унося прочь его мусор, пороки, самоубийства. Река промывала длинную серую рану цивилизации. Со временем Каролина стала приносить сюда собственные хронические хвори – внезапную одинокость, регулярное отчаяние и затворничество. Стремнина полностью не исцеляла, однако зазубренные тревоги тонули в белых барашках вокруг валунов, торчавших из воды, словно переломанные кости сквозь кожу

Каролина постояла на мосту и, глянув на часы, покатила коляску в парк, где народ возлежал на подстилках, метал фрисби и пинал хэки-сэк[1 - Хэки-сэк – игра, в которой участники ногами перетасовывают друг другут матерчатый мешочек с бобами. – Здесь и далее примеч. перев.]. Парк на берегу речного рукава, плотиной отделенного от стремнины, был хорош для уток, влюбленных

парочек и для тихого созерцания. Здесь река, серая и спокойная, текла, точно расплавленный металл. В гулком рокоте водопада Каролине было уютнее, чем в парковой тиши. Стряхнув задумчивость, она выкатила коляску на тропу. Потом заняла позицию и стала ждать.

В свои тридцать шесть Каролина Мейбри выглядела на десять лет моложе, но чувствовала себя на десять лет старше. Круглые зеленые глаза и короткие каштановые волосы смягчали ее облик атлетической дылды. Поставив коляску на въезде широкого моста, она привалилась к столбу и перевязала шнурки новых кроссовок. Подняла голову, установила визуальный контакт с бомжем в новых кроссовках, весь день слонявшимся на другом берегу. Потом, действуя по протоколу, потянулась, сделала наклон,правила синтетический спортивный костюм, проверила младенца в коляске, надела темные очки и оглядела парк.

Впечатление странное, но привычное, будто рассматриваешь настенную карту, где флажками отмечены основные фигуранты. Промелькнуло и дежавю (Каролина всегда считала его сродни безумию), придававшее смысл всякой бессмысленной мелочи. Оглядывая парк, Каролина внушала себе, что все вокруг — фрисби, собаки, даже река и уж тем более она сама, молодая мамаша, в солнечный денек отправившаяся на прогулку, – нереально.

На другом берегу джентльмен на скамейке отвлекся от позавчерашнего номера «Уолл-стрит джорнал» и, перехватив взгляд Каролины, улыбнулся. Собственные мысли оглушали Каролину, будто все могли их прочесть и поинтересоваться, откуда ей известно, что джентльмен торчит на скамейке весь день и почему сей господин, она сама и вышеупомянутый бомж обуты в девяностодолларовые кроссовки одной фирмы.

Вся троица – Каролина с ребенком на одном берегу, бомж с рюкзаком и бизнесмен с газетой на другом – расположилась таким треугольником, обрамлявшим мост. В середине треугольника (сразу за мостом, на стороне бизнесмена и бомжа) маячил жилистый чернокожий парень в мешковатых джинсах с уймой карманов, белой футболке, незашнурованных кроссовках и бейсболке с логотипом «Нью-Йоркских гигантов». Каролина знала, что зовут его Кевин Хэтч, кличка Паленый. Если б кто и впрямь подслушал мысли Каролины, он бы очень удивился ее Познаниям, уподоблявшим ее близорукому божеству, которому ведомо все, кроме ближайшего будущего.

В ухе Каролины просипел голосок: «Мы готовы. Берем на сделке».

Каролина села против моста и открыла книгу в мягкой обложке. Примерно раз в минуту она переворачивала страницу. Через пять страниц встала, заглянула в коляску и вновь села, привалившись к столбу. Минут через десять к Паленому подошел человек. Лет сорока, длинноволосый. Штаны хаки, черная футболка, темные очки. Каролина поняла, что ничего о нем не знает. Паленый настороженно поздоровался, но потом улыбнулся, словно человек помянул общего приятеля. Незнакомец что-то говорил, Паленый слушал, изредка кивая.

Вокруг ворковали парочки, канючила детвора, о чем-то трепались мужчины в костюмах. На другом берегу бомж поднялся с газона и лениво зашагал к мосту. Сквозь жиденькую облачность, озарив реку и парк, пробилось солнце. Будто на сцене подняли занавес.

Агенты ждали, когда отработанным жестом Паленый подаст руку незнакомцу в хаки. Первое рукопожатие – передача наркотика, второе – денег. Но этого не случилось, треп продолжался. В основном говорил незнакомец, иногда Паленый вставлял словечко. Наконец он полез в карман. В тридцати футах от него бизнесмен сложил старую газету, поднялся с лавочки и сунул руку под пиджак.

Каролина тоже изготовилась, но ее перебило приглушенное знакомое треньканье. Не выключила мобильник, что ли? Телефон лежал в коляске. Каролина огляделась и, помешкав, цапнула мобильник, нечаянно прихватив край одеяльца. Резко выпрямилась, и сверток с младенцем вылетел из коляски, точно выпущенный из рогатки. Или подброшенный батутом.

Вся картина сложилась уже позже, ибо в тот миг Каролина утратила всякую способность к восприятию. Разрозненные фрагменты громоздились друг на друга, не оставляя времени на осмысление.

Вокруг закричали. Младенец взмыл в воздух. Какой-то человек попытался его поймать, но промазал. Сверток перелетел через перила. Народ кинулся к мосту, вероятно еще сам не зная зачем – поглазеть или помочь. Спеленутый сверток шмякнулся в воду, почти не оставив кругов, и на спинке поплыл по неспешной серой глади, прорезавшей парк. Точно Моисей.

Крики всполошили пушера Паленого и его потенциального клиента в хаки. Они прервали разговор и увидели, как копы, замаскированные под бомжа и бизнесмена, но уже с пистолетами в руках, застряли в толпе, спешившей

выручить утопающего либо поглазеть на утопленника.

На своем берегу Каролина застыла у коляски.

– Не надо! Это... – крикнула она, но закончила фразу уже после того, как парень в джинсах и футболке, перемахнув через перила, сиганул в воду, – ...кукла! – Вновь зазвонивший мобильник, словно добавил реплике восклицания.

«Объекты уходят!» – завопил голос в наушнике.

Каролина глянула на мост. Паленый и его клиент продирались сквозь толпу зевак, следом – отставшие детективы. Каролина потянулась к пистолету в кобуре за спиной, но сочувствующий народ хватал ее за руки, желая успокоить. Подельники прошмыгнули мимо, Каролина успела лишь вцепиться в рубашку покупателя, но тот вывернулся и ударил ее по шее. Каролина упала.

К ней склонился подоспевший сержант Лейн в наряде бизнесмена.

– Все нормально. – Каролина потеряла шею и кивнула вслед преступникам. Лейн, слава богу, кинулся вдогонку. Вновь затренькал мобильник. Каролина сообразила, что все еще сжимает его в руке. Очумело посмотрела на дисплей. Потом встала, отряхнулась и поднесла телефон к уху: – Да.

– Привет, малыш.

Джоэл.

– Как там облава?

Каролина выключила мобильник.

Из фургона выскочили еще два детектива, но они слишком замешкались, да и были совсем в другой стороне. Наблюдать за провалом операции больше не было сил, и Каролина отвернулась к безмятежной реке. Герой уже спас куклу, предназначавшуюся в подарок Каролининой племяннице, и греб к берегу, держа пупса за пластмассовую ручку. Зрители на мосту все равно наградили его аплодисментами, а он смущенно поежился.

Каролина догадывалась, какие мысли его обуревали: герой он или нет, если ребенок не всамделишный? Для нее вопрос стоял еще острее: ладно, младенец, коляска, тренировочный костюм – все липовое, камуфляж, а как насчет одиночества и тоски по чему-то иному? Они-то настоящие?

2

Прибрежный парк, раскинувшийся по берегам реки, охватывал сотню акров вокруг Споканских водопадов, включая холмистый остров посреди каменистого протока. Для выставки «Экспо-74» бывшую сортировочную станцию преобразовали в парк, которому было не суждено стать сердцем города, как горькому пьянице не судьба завязать. Остался просто парк с дорожками и пешеходными мостиками, бельведерами и аттракционами, подъемником, часовой башней и старомодной каруселью. Когда в этом оазисе покоя, весьма популярном у горожан, наркодилер стал сбывать свой товар, детективы из особого отдела решили, что после однодневной слежки легко арестуют злодея.

Но операцию изгадили, и парк стал головной болью. Холмистый, утопавший в зелени массив предлагал дюжину лазеек, через которые его можно было спокойно покинуть, и потому преступников искали малыми силами и не слишком рьяно. Через час сержант Дэрил Лейн дал отбой, но сам, все в том же тесном деловом костюме, еще около часа бродил по парку. Каролина боялась посмотреть ему в глаза. Первыми отбыли патрульные, затем прикомандированные в помощь сыщики из других отделов. Остались сержант Лейн в пропотелом костюме и бомж Геррати. А еще Каролина. Она сидела на ступенях карусели и смотрела на стариков, кормивших уток. Волоча ноги, подошли Лейн и Геррати.

– Ты не виновата. – Тон сержанта подразумевал обратное. Лейн невидяще уставился мимо Каролины, потом встряхнул головой. – Мы сваливаем. Я не стал вызывать собак.

Он и Геррати попятились, словно боясь заразиться.

– Слушай, не бери в голову, – помолчав, добавил сержант. – Ну и хрен с ним, что целый день промаялись.

Каролина не ответила. Помявшись, Лейн зашагал прочь, следом Геррати в засаленных штанах и рубашке. Малый обожал облик ханыги. Он весь преображался, облачившись в грязные джинсы и черную футболку, разлохматив стянутые в хвост волосы и закинув за спину здоровенный рюкзак. Наверное, в этом и было главное различие между Каролиной и прочими сыщиками особого отдела. Тем нравилось лицедействовать, дурача народ. Перевоплощение их вдохновляло.

Каролина думала, ей тоже понравится. Конечно, после двух лет в отделе имущественных преступлений интересным покажется все, что не связано с поиском украденных магнитол. Но оказалось, она иначе устроена. Новые коллеги были хитры и двуличны, как отчаянные наркоманы, за которыми они охотились. Зачастую сыщики сами превращались в наркоманов. Каролина могла примириться с отчаянностью, но ее воротило от хитрости и притворства. И еще больше – от скрытой под ними правды. Ну вот, скажем, ребенок. Куклу она купила в Сан-Франциско для племянницы, коляску отыскала на реквизиционном складе. Спору нет, камуфляж негодный, причиняет душевные страдания, отвлекая от работы. Правда, она думала, все ограничится ее переживаниями. Публичного фарса не предполагала.

Растопырив колеса, коляска стояла рядом, точно малыш, ожидающий выволочки. Каролина ее пнула, и коляска опрокинулась. Второй раз за день оттуда вылетела кукла. Но теперь хоть не угодила в реку.

– Вас арестовать за мусор или за жестокость к ребенку?

Каролина медленно обернулась, сощурившись от бившего в глаза солнца. Человек читался силуэтом. Вот уж у кого безошибочное чутье на паршивое настроение.

– Здравствуйте, сержант Дюпри.

Человек вышел из солнечного ореола и, присев рядом на ступеньки, расплылся в улыбке. Вот эта его ухмылочка особенно раздражала. Когда он улыбался, глубокие морщины на его худом и узком, прямо-таки длинном лице

разглаживались и главными становились глаза, небесная синь которых вдруг порождала совершенно ненужные желания.

– Валяйте, – буркнула Каролина. – Наверное, вам есть что сказать. Или еще не слышали?

– Нет, слышал. Думаю, это уже попало в сводку. Поллард обмочился, когда узнал.

– Прекрасно. Значит, все не зря. Распотешили толстозадых в убойном отделе.

Дюпри посмотрел на нее поверх маленьких прямоугольных очков:

– Знаете, только психи казнятся из-за подобной ерунды. Чокнутые, которые беседуют с собой и мнят себя Спасителями.

– Я не казнюсь. Просто чувствую себя дурой.

– Да? И правильно. Вышла глупость. – Дюпри откинулся на локти, глядя на безмятежную реку. – Ну и плюньте.

Каролина покосилась на него, зная, что он чувствует ее взгляд. Дюпри был ее первым начальником, когда она служила патрульным. Шесть лет назад он первым прибыл на место происшествия, когда единственный раз она применила оружие. Был вызов на бытовую ссору, и она застрелила мужика, чуть не зарезавшего жену. Дознание сочло ее действия правомерными, но она сильно переживала и ушла бы из полиции, если б не Алан Дюпри. Вообще-то Каролину злило ее необъяснимое влечение к этому сухопарому лысеющему человеку с пластичной неуклюжестью ковбоя из старого вестерна. Его беспечность раздражала коллег и пугала обывателей. Беспокойство он скрывал за неуместными шутками. Не умел промолчать, когда надо. И были сотни других причин, по которым не стоило им увлекаться. У него невероятно маленькие ступни. Каролина не доверяла мужчинам с маленькими ступнями. И он женат. Вдобавок ко всему.

– Вот только не знаю, кто вам позвонил, – сказал Дюпри.

– Джоэл.

Каролина прямо чувствовала зревшую остроту. Сейчас выдаст что-нибудь про качка. Может быть, опять обзовет «чиппендейлом»[2 - «Чиппендейлы» - американская хореографическая группа стриптизеров, созданная в 1979 г.] или просто «елдаком». Нет, скорее, пройдетя насчет возраста. Двадцатичетырехлетний Джоэл был на двенадцать лет моложе Каролины.

– Просил забрать его из школы?

– Смешно, – улыбнулась Каролина. – Даже не похоже на вас.

Дюпри поднял коляску и водрузил куклу на место.

– Через неделю патруль возьмет вашего сбытчика. Где-нибудь в парке он будет нюхать клей. Такие всегда всплывают на поверхность.

– Надеюсь.

– Не сомневайтесь. Так и будет. – Дюпри посмотрел в сторону, и только сейчас Каролина заметила его спутника. Слаксы, галстук, спортивный пиджак – униформа репортеров, преподавателей колледжа и новых сыщиков из убойного отдела.

– Это Спайви? – Каролина выдавила мрачную улыбку и помахала рукой. – Скажите «нет».

– Его отрядили мне в напарники. На выучку.

– Крис Спайви в убойном отделе?

Дюпри пожал плечами:

– И мартышек готовят в космонавты.

– По-моему с этой идеей уже распрощались.

Полгода назад Каролина просила о переводе в убойный отдел, но ей ответили, что вакансия откроется не раньше чем через год. А вот для Спайви открылась сразу.

– Я только обучаю, – сказал Дюпри. – Отбираю не я.

Каролина отвернулась к реке.

– Эй... – Дюпри легонько стиснул ее запястье. – Как поживает ваша матушка?

– Хорошо.

– Вот и славно. – Сержант выпустил ее руку и пошел к Спайви.

– Привет Дебби, – вслед ему бросила Каролина.

Дюпри остановился.

– Передам. А вы кланяйтесь Джоэлу, – сказал он и добавил тише, но вполне явственно: – Когда развезет газеты.

Сыщик ушел, и Каролина вновь уставилась на реку. Потом достала из коляски куклу. Половина настоящих младенцев – мальчики, но почти все куклы – девочки. Игрушки в чужих руках. Каролина закинула куклу обратно и покатила коляску к выходу из парка. На часах без малого пять. Она сильно оттолкнула коляску, потом догнала ее и с минуту постояла на берегу, припоминая провал операции. И чего полезла за телефоном? Пусть бы себе трезвонил. Миновав водопад, Каролина почти добралась до выхода, но вдруг притормозила и оглянулась на густой кустарник. Рядом остановилась дама в довольно тесном платье и кроссовках. Секретарша, возвращается домой.

– Можно посмотреть? – Дама склонилась над коляской.

– Нельзя, – отрубила Каролина, не сводя глаз с кустарника.

– Почему? Кроха спит?

– Нет. Она пластмассовая.

Бросив коляску, Каролина подошла к кустарнику. Мысли ее вертелись вокруг покупателя в хаки. Она раздвинула ветки, и в ту же секунду мир взорвался: Паленый и клиент прыгнули из зарослей, точно испуганные птицы. От толчка или внезапности Каролина чуть не грохнулась навзничь. Когда вновь обрела равновесие, злоумышленники были уже в десятке ярдов от нее и быстро удалялись. Клиент за руку тащил Паленого.

Каролина кинулась вдогонку, на бегу пытаясь набрать телефонный номер. Беглецы миновали карусель и припустили вдоль реки, все больше отрываясь. Мобильник выскользнул из руки, но Каролина не остановилась и только наддала, а эти двое проскочили через мостик над тихим речным рукавом и нырнули в парк.

Злоумышленники пересекли автостоянку, безлюдную игровую площадку и травянистым берегом устремились к грохочущему водопаду. Каролина хорошо знала эту часть парка и, срезав путь через рощицу, почти настигла беглецов у подножья холма. Припав на колени, она отточенным движением выхватила девятимиллиметровый кольт.

– Стоять! Полиция!

Окрик застиг их точно посередине висячего моста. Справа рокочущий водопад, слева водный поток. До берега слишком далеко. Оба, по пояс окутанные водяной дымкой, медленно обернулись. Ишь как запыхались. Каролина стала приближаться, не отводя взгляда от клиента. Хитрая рожа, мертвые глаза. Не поворачивая головы, человек в хаки скосился на Паленого.

– Лечь! Мордой вниз! – За шумом водопада и басовитым ревом плотины электростанции в двухстах ярдах ниже по течению возглас Каролины прозвучал комариным писком.

Паленый медленно поднял руки. Напарник его не шелохнулся. Будто не замечая нацеленный в него пистолет, он выставил подбородок, темные глаза буравили Каролину.

Та остановилась. В этом взгляде было что-то странно знакомое, он точно спрашивал: значит, вот так оно все обернулось? Каролина заподозрила, что понимает не все и за этой ситуацией кроется нечто большее. В воздухе, подернутом водяным маревом, сгустилось напряжение. Как ни странно, даже за ревом воды Каролина слышала свое прерывистое дыхание.

– Ложись! – вновь крикнула она, поведя стволом.

Паленый кивнул и стал опускаться на четвереньки. В лице длинноволосого ничего не изменилось, когда он, ни секунды не колеблясь, ловко схватил напарника под мышки. Каролина поняла, что сейчас произойдет. Она вскрикнула, но вопль ее потонул в реве воды, а Паленый кубарем полетел в реку.

Каролина бросилась к перилам. Внизу ярились буруны в белых пенных шапках. Она задержала дыхание и глотнула воздуха, лишь когда Паленый возник из темной глубины. Течение потащило его к плотине на Монро-стрит. Человек в хаки бочком двинулся к берегу, словно неспешно покидал пикник. Глаза его, безмятежные и холодные, встретились с полными ужаса глазами Каролины. Человек остановился и лениво заглянул через перила, словно уверенный, что взгляд Каролины последует за его взглядом. Казалось, ему любопытен ее выбор в созданной им кошмарной альтернативе: арестовать преступника на мосту или попытаться спасти того, что в воде.

В жизни копа, говаривал Дюпри, случаются парадоксы, все переворачивающие вверх тормашками. Согласно одной из его многочисленных «теорий», в их работе то и дело возникают с виду нелепые ситуации, которые не имеют верного решения, ибо всякий отклик на абсурдное событие непременно абсурден. Типа смеха на похоронах. Или плача на свадьбе. После долгой службы в полиции уже не знаешь, когда смеяться, а когда плакать.

Еще раз глянув на человека в хаки, Каролина выбрала Паленого, перескочила через ограждение и приземлилась на береговую насыпь, слишком крутую и каменистую для спасения на водах. Не теряя из виду парня, боровшегося с течением, она прикинула угол сноса и расстояние до бетонного водослива. Если малый не запаникует, есть шанс. Фокус в том, чтобы одолеть быстрое течение и выбраться на каменистый берег. И не смотреть на бешеный поток. Каролина представила себя на месте Паленого: через сотню ярдов бетонный край плотины, за которым пропасть. Она оглянулась, но человек в хаки уже исчез.

Вскарабкавшись по насыпи, Каролина выскочила на оживленную улицу. Лавируя между машинами, пересекла мостовую и бегом пустилась вокруг старой электростанции, ненадолго перекрывшей обзор реки. В голове мелькали сведения из досье, с которым она ознакомилась на утренней планерке. Нынешняя костюмированная облава была лишь частью крупной операции. Предполагались недолгая слежка и арест на сделке. Имя подозреваемого Кевин С. Хэтч. Кличка Паленый. Девятнадцать лет. Торгаш и сутенер. Длинный послужной список: кражи, грабежи, наркотики. В девятнадцать лет.

Каролина обогнула электростанцию и вновь увидела реку, но Паленого нигде не было. Она обшарила взглядом русло и наконец разглядела его выше по течению – парень вцепился в береговую каменную облицовку. Перепрыгивая через две ступеньки, Каролина ринулась по бетонной лестнице, вниз по насыпи. Задышавшись, выскочила на пандус рядом с плотиной.

В пятидесяти ярдах выше Паленый из последних сил цеплялся за шершавую стенку. Река пыталась его сдернуть, но он ногами от нее отбивался.

– Держись! – крикнула Каролина сквозь вой турбин и несмолкаемый грохот воды о бетонную грань водостока. Но Паленому не терпелось выбраться из холодной воды. – погоди! Я раздобуду веревку! – Каролина замахала руками, однако парень, не обращая на нее внимания, все карабкался по скользкой стене. – Слышишь?

Паленый был уже футах в трех над водой. И не удержался. Дрыгнул ногой, точно мотоцикл заводил, и, скребя ногтями по камню, вновь съехал в поток. На мгновение с головой ушел под воду, вынырнул, ненадолго вроде бы ухватился опять, но потом течение потащило его прочь от берега.

Каролина беспомощно огляделась – нет ли где веревки или хотя бы длинной палки. Ничего.

Она перелезла через цепочное ограждение и выбралась к железному пролету наподобие пожарной лестницы. Под гул турбин Каролина на карачках доползла до края мостка, футах в четырех зависшего над водой. Слишком высоко. Она села, пропустила последнюю перекладину под колени и, глубоко вдохнув, повисла вниз головой, словно акробат на трапеции.

От бешеного течения закружилась голова. Обдало брызгами. Каролина поборола искушение подтянуться обратно на мосток. В тридцати ярдах от нее, в потоке, набравшем скорость, барахтался Паленый. На мгновение она поймала его взгляд, полный отчаяния, и кивнула, подбадривая. Казалось, парень понял ее безумный план – принялся барахтаться, чтобы оказаться с нею вровень. Каролина задержала дыхание и крепче стиснула колени. Пенистые лапы реки обжигали лицо. Каролина вытянула руки, почти коснувшись пальцами воды.

Паленый, во власти стремнины, протянул руки Каролине навстречу. Второй раз за день она почувствовала, что не успевает осмыслить события. Весь мир окутался вихревой пеленой, и только сама она осталась в фокусе.

Рука Паленого шлепнула ее по ладони. Каролина сжала пальцы, качнулась, и одна нога ее сорвалась с перекладины. Течение уволокло Паленого к водостоку, а затем с пятидесятифутовой высоты швырнуло на бетонное дно плотины.

Каролина вскрикнула, но за ревом воды себя не услышала. Чужая рука чиркнула ее по ладони или почудилось? Повиснув на одной ноге, Каролина раскачивалась над потоком, что, подчиняясь притяжению, обрывавался в бездну.

3

– Что означает «благодать»? – Дюпри сощурился на солнце.

Спайви задумался.

– Приятность?

Дюпри закатил глаза и протянул стаканчик волонтеру который разносил кофе полицейским, искавшим тело Кевина Хэтча.

– Вслушайся: благо-дать. Дать благо. Хорошо, а «благополучие»?

Спайви опять задумался.

– Получить благо?

– Верно. Получить благо. Дать благо. Знаешь, в чем разница? – Дюпри отхлебнул кофе и сморщился. – Дать и получить. Понимаешь, к чему я клоню? Это моя теория. Все мы – фиксированные точки круга. – Он выплеснул кофе в траву на обочине. – Ну вот, скажем, парень выходит из дома, а проезжающий мимо бандит простреливает ему ногу. Парень – жертва, так? На другой день он находит и убивает бандита. Теперь он преступник. Еще через день дружок бандита приканчивает парня. Теперь он опять жертва. Жертва, преступник, жертва. Фиксированные точки круга. Спорю на что хочешь, этому в колледже не обучают.

Они зашагали к реке, где полицейские, пожарные, волонтеры, отряд «Следопытов» и несколько бойскаутов со сканерами обшаривали прибрежные кусты, ища утопленника. Дюпри считал это зряшным делом. Труп всплывет у какой-нибудь плотины ниже по течению, если не зацепится за камень или корягу. Теоретически утопленник мог миновать с десятков плотин, попасть в Колумбию и далее в Тихий океан. Следовало бы поставить эксперимент, полагал Дюпри, и оставить жмуриков в покое, чтобы посмотреть, как далеко они заплывут.

После того как Кевин Хэтч, он же Паленый, проскочил Каролину, его протащило через водосток, шмякнуло о дно плотины и выплюнуло в терявшую силу стремнину. Вода, под завязку наполнившая его тело, слилась с той, что, обстучав труп о пороги, вынесла его на прохладный тихий простор, окаймленный старыми домами, неводеланными полями и густым кустарником. Река степенно удалялась на северо-запад.

Поскольку смерть Паленого была насильственной, к делу подключили Дюпри и Спайви. Продравшись сквозь высокую траву и кусты, сыщики вышли на опушку у заводи – месту недавней ночевки бомжей, о чем уверенно свидетельствовали кострище, окурки и аккуратные кучки дерьма на отшибе.

– Что характерно, утопленник выглядит паршиво, если его не выловили сразу. – Дюпри оглянулся – не записывает ли Спайви. Эта манера напарника весьма раздражала. Скажи Дюпри, что самая мягкая туалетная бумага в кафе «У Денни», и Спайви тотчас зачеркал бы в блокноте, словно полагался только на письменную информацию, но никак не на собственную память. – Хуже всего – вонь. И вздутие. Малоприятное зрелище. Уж поверь. Теряешь всякое уважение к

человеческой плоти.

– Угу, – отозвался Спайви, подобным образом откликнувшись на всякую изреченную мудрость наставника.

Дюпри почесал затылок и глянул на реку:

– Ладно, я пройдусь вверх по течению, а ты осмотри Тихий океан.

Спайви кивнул и зашагал на запад.

– Шутка! – вслед ему крикнул Дюпри, но тот уже скрылся из виду. Странно, почему лейтенант так нахваливал парня.

Дюпри достал мобильник и набрал номер Каролины. Через четыре гудка включился автоответчик.

– Привет, вот решил узнать, как вы, – сбивчиво заговорил Дюпри, дождавшись сигнала. – Кстати, парень, которого вы пытались спасти... – Он замолчал и посмотрел на реку. – Знаете, полгода назад я его допрашивал по ограблению. Тот еще говнюк. – Дюпри закатил глаза – м-да, так себе утешение. – Я просто хотел сказать... вы молодец... правда... – Дюпри куснул губу. Ну не умеет он утешать! Особенно ее. Весь избыток чувств на виду. – Вы не в курсе, на какую наживку клюют утопшие наркодилеры? Чипсы «Дорито» или «шевроле» 78 года? – Сообщение явно затягивалось. – Ладно. Я подумал, может, вы что-нибудь скажете о мужике, который его спихнул. Похоже, это мой клиент. Ну пока, перезвоните. Когда сможете.

Домашний телефон Каролины тоже не ответил. Дав отбой, Дюпри задумчиво посмотрел на дисплей. Каролина все рассказала патрульному наряду и, по словам сержанта, уехала домой. Можно представить, как она себя чувствует. Все принимает близко к сердцу, а это плохо. Надо уметь отключаться, создавать буфер между собой и внешним миром. Сколько раз повторять-то?

Дюпри прошел вдоль берега, обнаружив новые следы пребывания бомжей и подростков. Похоже, народ приезжал сюда напиться, прибалдеть и втихаря потрахаться. Местечко выглядело отстойником всех городских пороков,

стекавшихся из долины.

Услышав вопль, Дюпри резко обернулся.

Крик донесся от последнего водопада у плотины. Сначала Дюпри подумал, что кто-то нашел труп Кевина Хэтча. Однако Паленый не успел бы принять облик, вызывающий такой ужас. Маловато времени.

Дюпри рванул вдоль реки, на бегу доставая пистолет. На полянке он увидел девочку-следопыта, которая указывала пальцем на нечто, небрежно закиданное ветками. Сомневаться, что это, не приходилось. Не имея возможности оценить картину в целом, Дюпри сосредоточился на одной детали, которая тускло поблескивала, почти не отражая свет. Явно не монета и не пивная банка.

Кость.

Дюпри обошел застывшего следопыта и стал отбрасывать ветки. Кость оказалась частью руки, рука – частью разлагавшегося трупа. Пахло сильно, но не сногшибательно.

Сдерживая рвотный позыв, Дюпри веткой обмахнул песок со страшной находки. Открылись рука и часть торса, обтянутые потемневшей и сморщенной, полуистлевшей кожей. Дюпри включил рацию, но ничего не сказал. Понимая, что уничтожает следы, он все равно отбрасывал ветки, полнясь необъяснимым страхом, что сейчас опознает мертвеца.

Появилась маленькая, будто усохшая, голова. Лицо изъедено тленом, ломкие пучки волос. Женщина. Губы поджаты, словно от кислого, глаза ввалились. Дюпри почувствовал, как пересохло во рту. Вот что мужчины творят с женщинами. Сыщик отбросил последние ветки, окончательно загубив картину преступления. Он это понимал, но им владело безрассудное желание убедиться, что жертва не его дочь, племянница или жена. И не Каролина.

Вечером другой детектив доложит, что это труп проститутки и наркоманки Ребекки Беннетт, которую живой последний раз видели первого апреля, четыре недели назад. В розыск никто не подал, поскольку она могла вернуться в Сиэтл, или уехать в Лос-Анджелес, или выйти замуж, или стать пленницей инопланетян. Короче, пропажи никто не заметил. Как выяснилось, исчезновение

шлюхи – вовсе

не трюк иллюзиониста. На досье могло значиться любое имя, ибо жизненные вехи покойницы и сотен других девушек ничем не различались: в одиннадцать лет изнасилована, в тринадцать замечена с наркотиками, в четырнадцать убежала из дома, в пятнадцать попалась на краже; приемная семья, очередной побег, снова наркотики и опять кража. В двадцать два Ребекку Беннетт убили – придушили, а затем прострелили голову.

Сидя на корточках перед убитой, Дюпри невольно видел в ней близкого человека. Вроде Каролины.

– Прости, – шепнул он, глядя в изуродованное тленом лицо, и еле-еле сдержался, чтобы не отвести прядь с лица мертвой девушки. Потом отпихнул ветки подальше и заметил, что в кулаке убитой зажаты две свернутые двадцатидолларовые купюры.

4

Каролина вернулась в участок. Отключив телефон, поискала в картотеке человека в хаки. Пролистала страницы с фото белых сорокалетних мужчин и уставилась в окно. Время утратило счет. Каролина пошла в душевую и долго стояла под струями, набирая воду в пригоршню. Потом переоделась в сухое и направилась в офис особого отдела. Сержант Лейн, стоявший возле ее кабинки, поспешно поставил на стол фотографию племянницы.

– Тело нашли? – спросила Каролина.

– Пока нет. – Грузный Лейн, все еще выряженный бизнесменом, устало опустился на стул. Помешкав, Каролина села напротив. – Но звонил Дюпри. Нашли труп девушки. Пролежал пару недель.

– Господи, ну и денек!

– Завтра берешь выходной?

– Нет. У нас еще дом на Шестой.

– Каролина... – начал Лейн, и она напряглась. Сержант никогда не называл ее по имени, только «Мейбри». – Тебе надо пройти курс профессиональных услуг.

Каролина усмехнулась. Местный эвфемизм обозначал психиатра. К суровой тетке-специалисту обращались алкоголики, которым светил принудительный отпуск, наркоманы на грани увольнения и те, кто избивал жен или из-за всякой ерунды устраивал кровавое побоище, проверяя водительские права.

– Это лишнее, сержант. – Каролина хотела почесать щеку, но вдруг смутилась и уронила руку.

– У тебя был тяжелый день, Каролина.

– Знаю, я изгадила облаву.

– Не в том дело.

Каролина внутренне собралась, шугнув рассеянность и проглотив злость. Взгляд ее стал совершенно спокоен.

– Ты пашешь шестьдесят часов в неделю, – сказал Лейн. – Меня взгрили за перенос твоих прошлогодних отгулов и больничных на нынешний год... В таком темпе ты уже к сорока заработаешь пенсию.

– Никто не просил переносить мои отгулы.

– Суть не в том. – Лейн вздохнул и пожевал губами, решив зайти с другого боку. – Моя святая обязанность следить за всем, что влияет на работу моих подчиненных.

Каролина молчала.

– Ну вот если б ты, скажем, разводилась, я бы обеспокоился и свел тебя с адвокатом. Или там случись перестрелка, личные неурядицы... – Лейн повел

рукой, словно и так все было ясно.

На словах «личные неурядицы» Каролина вздрогнула, подумав о матери.

– Со мной ничего такого не происходит, – тихо сказала она. Уверенности в ее тоне не слышалось.

– Слава богу, нет. Но мы оба знаем, что будет, если не справишься со стрессом от нашей работы. Непросто быть единственной женщиной в особом отделе. Да еще матушка хворает. Вот я и подумал – может, тебе полегчает, если кому-нибудь выговоришься.

Каролина встала и отошла от стола.

– Это приказ? Мне пожаловаться в гильдию, что ли?

– Не надо. – Лейн выбрался из кабинки. Он как-то сник. – Не выдумывай. Я тебе не враг, Каролина. – Сержант улыбнулся и ушел в свой кабинет.

Каролина оглядела офис, разделенный на кабинки. К счастью, никого. Лейну хватило ума поговорить с глазу на глаз. Каролину еще потряхивало, когда она собрала портфель и направилась к выходу.

На улице Каролина вдохнула прохладный апрельский воздух. К зданию суда изредка подъезжали автомобили. Полицейский, доставивший пьяного водителя в участок, помахал ей рукой. Она кивнула. Патрульная машина заехала в тупик перед кутузкой. Каролина прошла к своей машине, села, но мотор не включила.

Домой не хотелось. Мало радости в одиночестве ждать Джоэла с работы, гадая, кто из сублильных студенток нынче вешается ему на шею. В бар, где он работал, тоже незачем ехать. Джоэл решит, что-то случилось.

А может, и впрямь случилось? Каролина припомнила слова Лейна. Мелькнуло кошмарное видение, парень в реке. В начале службы она еще пару дней приходила бы в себя. Как в тот раз со стрельбой.

Тогда она, как девчонка, выплакалась на груди у Дюпри. Но все равно не отпустило. Взяла неделю отпуска и пожалела, что не две. Не могла спать, то и дело вздрагивала, будто снова и снова возвращалась отдача девятимиллиметрового кольта. Дознание сожрало два месяца. В каждом вопросе слышался скрытый упрек: полицейскому-мужчине не понадобились бы «крайние меры», чтобы усмирить пьяного. Спрашивали, не подвергалась ли она изнасилованию (не подвергалась) и не была ли в детстве ему свидетелем (не была). Мужика дважды арестовывали за избиение жены, в его досье значились и другие проступки помельче. В тот вечер он пришел домой пьяный, увидел, что ужин не накрыт, и стал гонять жену, вооружившись тупым хлебным ножом. Каролина первой приехала по вызову. Вошла через черный ход. Женщина лежала на кухонном полу, муж, нависнув над ней, бил ее и тыкал ножом. «Стоять!» – крикнула Каролина. Мужик завопил и ринулся к ней. Еще дважды она отдала приказ не двигаться, но мужик все пер. Пятясь, она вышла во двор. Там мужик бросился на нее, и она выстрелила, когда он пересек рубеж «смертельной зоны», как называли это полицейские. Считалось, если преступник подходит ближе двадцати футов, жизнь полицейского в опасности, хотя пьяный с тупым хлебным ножом вряд ли представлял собой смертельную угрозу. Всю ночь Каролина невидяще смотрела в стену, пытаясь вспомнить, осознанно или нет застрелила человека. В конце концов Дюпри убедил ее, что она поступила правильно, и удержал от рапорта на увольнение. Коллеги говорили нужные слова и были весьма участливы, но она чувствовала их сомнение. Хороший полицейский всегда сумеет разрядить ситуацию, грозящую бедой. Каролина же ее усугубила – запаниковала и убила пьяного, который даже не смог бы причинить ей вреда. Никто этого не говорил, но она знала, что все так думают.

Каролина запустила двигатель, решив, что узнает, куда ей нужно, когда приедет на место. И для начала свернула к «Лонгботаму», где работал Джоэл. Бар, занимавший первый этаж бывшей гостиницы горняков, превратился в такой клуб. Его завсегдатаями были младшие партнеры юристов, заказывавшие здесь же сваренное пиво и смесь темного и светлого «Гиннеса», и студенты-пятимкурсники, угощавшиеся коктейлями с мартини.

И еще копы. Молодые полицейские частенько заходили в «Лонгботам», здесь-то Каролина и познакомилась с Джоэлом. Он стоял за стойкой, когда полтора года назад в компании сыщиков она заглянула сюда после наркорейда, изрядно снабдившего адреналином.

Немудрено, что такой мужик ей глянулся. На двенадцать лет моложе, рост шесть футов три дюйма, широкие покатые плечи и плоский живот пловца, короткие темные волосы и зеленые глаза с черной окантовкой по радужке. Теперь она все чаще сомневалась в его верности и пугалась этих глаз.

На первом свидании они говорили об отъезде из Спокана. Она ждала ответа из школы права, он – с рыболовного судна на Аляске. Тема отъезда возникала почти на всех ее прошлых свиданиях. Все либо вот-вот уезжали, либо извинялись, что еще не уехали. Каролина тешилась надеждой, что то же самое происходит и в других местах, отмеченных в дорожном атласе полужирным шрифтом, – Дейтоне, Демойне, Декатуре, Спрингфилде, Стоктоне и всех городах с приставкой «форт». Оттуда нельзя не уехать, ибо там нет романтической искры, которая, как верила молодежь, убережет от старости.

Так оно и тянулось. Все вокруг таскали тяжелые чемоданы, набитые оправданиями проволочки с отъездом. Отговорки Каролины были столь же неубедительны: «Уже хотела уехать, но встретила парня... Давно бы уехала, да вот мама хворает». Каролине стукнуло тридцать шесть. Почему же не уехала до того, как встретила Джоэла? Прежде чем заболела мать? Прежде чем застрелила дебошира? До Дюпри?

Каролина стояла перед баром с большими окнами. С улицы она видела Джоэла, который наливал пиво двум парням в бейсболках. Каролина оглядела стойку и обнаружила повод для беспокойства – стройную блондинку с осиной талией и в потертых джинсах. Девушка перегнулась через стойку и сквозь грохотавшую музыку что-то закричала Джоэлу в ухо. Интересно, что это за выпивка, которую нужно так долго заказывать?

Девушка якобы застенчиво пожала плечами. Джоэл смешивал «Маргариту», гипнотизируя девушку взглядом, порождаящим у той глупые мысли. Может, предупредить ее? Сказать: вали отсюда, пока не поздно. Эти глаза врут.

Она отошла от окна и, глянув по сторонам, зашагала к своей машине.

Миновав городской центр и первый гребень Южного холма, Каролина припарковалась у больницы «Святое сердце». На входе показала бляху, охранник махнул: проходите. Лифтом поднялась в онкологическое отделение на седьмом этаже, переговорила с медсестрами. Похоже, ее присутствие и

никчемный разговор их тяготили.

– Ночью она просыпалась, – сказала сестра. – Немного поела пудинга.

Пошли в конец коридора. Каролина смотрела прямо перед собой, чтобы не встретиться взглядом с пациентами в палатах. Бесшумно распахнулась дверь. Даже в сумраке Каролина видела, что мать лежит в той же позе, что и вчера, – на левом боку, чтобы подсохли пролежни на правом. В шесть утра сестры ее перевернут. А потом в шесть вечера. И так все время, каждые двенадцать часов. Получалось, с переменным успехом мать лечили только от пролежней.

Каролина поцеловала мать в сухую щеку, задев трубки капельниц. Тихо гудели машина, отмерявшая морфий, и кислородный аппарат. В каждой палате что-то жужжало и шуршало. Каролина глянула на табличку с назначениями:

– Вы увеличили дозу морфия?

– Утром доктор велел, – ответила сестра.

– Как же ей быть в сознании, если она все время одурманена?

Сестра набычилась:

– У нее сильные боли.

– Да, конечно. Извините. Я не хотела... – Каролина откинула прядь, упавшую на лицо, и стиснула зубы.

– Если угодно, поговорите с врачом.

Каролина взяла мать за руку. Ввалившийся рот. Мешки под глазами. Дряблая кожа восьмидесятилетней старухи. А ей пятьдесят восемь. Каролина попыталась вспомнить мать другой. Вот она, закинув ногу на ногу, сидит за маленьким кухонным столом. Ироничная, худая, сильная. В руке неизменная чашка кофе. Будто ждет, чтобы мир ее чем-то развлек. Иначе зачем он нужен?

Наверное, той женщины больше нет, остались только ее оболочка, пролежни, боль. А так хотелось поделиться горестями, рассказать о сегодняшних передрягах. Все бы отдала, чтобы еще хоть раз услышать домашний мамин голос: «Дочка, боишься – не делай, делаешь – не бойся».

– Недолго осталось? – спросила Каролина, не глядя на сестру. Та не ответила. – У нее ужасно холодные руки.

– Слушайте, поговорите с доктором Белдиком.

– Пожалуйста, скажите.

Сестра потопталась на месте.

– У нее отказал кишечник. Иногда организм сам определяет порядок ухода...

Каролина кивнула, уже привычно впитывая слова, от саднящей безжалостности которых немели руки-ноги, но потом мука постепенно стихала, растворившись в крови.

– Спасибо, – сказала она.

Когда сестра ушла, Каролина под села к матери и, прижав ее ледяную руку к губам, шепнула:

– Я с тобой.

5

В результате наблюдений Алан Дюпри сделал вывод: в жизни города периодически наступает черная полоса, словно все подонки благополучно отбыли поднадзорный срок и разом взялись за дело, отчего любая поножовщина заканчивается чьей-нибудь смертью, а всякая бытовая свара превращается в несуразное бедствие. Некоторые коллеги утешались тем, что всему виной

полнолуние, жара и государственные субсидии. Полицейские аналитики изучали графики преступлений, словно синоптическую карту. Начальство видело корень зла в недостатке финансирования. Патрульные становились истово верующими. Сыщики превращались в циников.

Но Алан Дюпри вдоволь повидал эти скверные периоды и считал их вполне органичными и самодостаточными для бесконечного воспроизводства. Напрашивалась параллель со спортом, где после полосы удач шла серия ошибок и промахов. Такой этап. Спад. Период, когда причина становится следствием, оно превращается в причину, та опять в следствие, а невезенье порождает еще большее невезенье. И так до тех пор, пока все само собой не иссякнет, пока не стихнет злобный ветер. Со стороны эти пики и спады выглядели статистическим графиком: в этом месяце четыре убийства, в следующем ни одного – в среднем стандартные два душегубства в месяц. Но вот попробуйте втолковать бейсболисту, или баскетболисту, или игроку в кости, что никакой полосы нет. Убедите, что незримой силы, действующей против (или за) него, не существует, что один промах не влечет за собой другой и одно убийство не порождает новое, а существуют лишь среднестатистические величины.

Мысль эта озарила Дюпри в одиннадцать вечера, когда они со Спайви собрались на третье убийство за день. Для небольшого Спокана, где в плохой год случались двадцать убийств, три трупа за сутки были чем-то невероятным – ну как если б худосочный шорт-стоп в одной игре сорвал три хоум-рана. Правда, шлюху, найденную на берегу, убили не меньше двух недель назад.

Дюпри не терпелось поведать напарнику свою теорию полос. Раньше он всегда просвещал Каролину. Ему нравилось делиться обширными криминалистическими теориями познания. И пусть другие сыщики дразнили его «стоик-параноик», он считал важным не только обучить, но и просветить сосунков вроде Спайви.

– Есть вопросы? – спросил Дюпри.

– Да. Когда-нибудь пустите за руль?

Дюпри ответил коротким взглядом и завел мотор. Ехали молча. Дюпри свернул на Монро-стрит и пересек мост над плотиной, где утром сгинул наркодилер. Как бы Дюпри поступил на месте Каролины? Кинулся бы спасать парня или держал на мушке второго злодея? Может, подстрелил бы его – в ногу или еще куда? Так

поступали телесериальные копы. Но за двадцать шесть лет службы Дюпри обнажал оружие всего раз тридцать и ни разу его не применил. И никогда не попадал в ситуацию, вынуждавшую стрелять по ногам. И потом, что это за стрельба? В полиции никто так не стреляет. Хошь не хошь, если уж открыл огонь, веди его до полной ликвидации угрозы – то есть мочи оппонента. Хреново, что Каролина оказалась в подобной ситуации. Вот он бы не мучился из-за неверного решения. А она – поди знай.

По федеральному шоссе Дюпри поехал на восток, мигалкой шугнул ползшую перед ним машину и тотчас разогнался до девяноста миль. На пассажирском сиденье Спайви ерзал, словно пес. Свернув во второй съезд, Дюпри запетлял по знакомым окрестностям. Еще бы не знакомым – за столько-то лет. Можно организовать экскурсионный тур по местам убийств, краж и всяческих извращений. Отставные копы в роли гидов. Его собственный маршрут не отличался бы от других: справа дом, где произошло изнасилование, слева ночной магазин, возле которого случилась авария со смертельным исходом, а вон в той халупе байкер прятал ворованные автодетали.

Нынешний дом, претендовавший на место в туре, был простеньким одноэтажным строением, окаймленным нестриженными кустами. На подъездной дорожке красовались две цветочные кадки, в палисадник втиснулся цветник, формой напоминавший почку. Патрульные растягивали заградительную ленту, пресс-секретарь сдерживал репортеров, высыпавших из фургонов.

Дюпри припарковался, пересек улицу и взошел на крыльцо, стукнувшись головой о кашпо в макраме. Аромат табачного дыма хлестнул, как оплеуха, и напомнил о власти затаенных желаний.

– Длинный денек, а? – сказал патрульный на крыльце. Он записал сыщиков в протокол места происшествия и посторонился, пропуская в дом.

Внутри уже работали эксперты в белых резиновых перчатках. За внешним равнодушием спецов скрывалась убежденность, что мертвецы – самая интересная часть их дела: законченная повесть, все улики налицо, читай не хочу. Кровавые брызги, колотые раны, трупные пятна. Все это очень важно и без утайки поведает о луже крови из запекшейся раны в затылке.

Главное, покойники не ввали, не страдали забывчивостью, не выгораживали своих обидчиков. По-своему сотрудничали со следствием. Волокна ткани, ДНК-тесты и компьютерная база отпечатков – как подумаешь, от мертвых едва ли не больше пользы, чем от живых. Скажем, нынешний мертвяк – шестидесятилетний мужик с криминальным прошлым. Разве можно ждать правдивых показаний от старого говнюка, алкаша и уголовника? А вот отпечатки пальцев, кожные чешуйки под ногтями и следы на ковре воссоздадут картину преступления, как будто его сняли на видео, да еще получили признание убийцы.

Два детектива, два эксперта и помощник следователя ухмыльнулись, завидев Дюпри.

– Мужик отдал столько крови, что заслужил пончик и стакан сока, – сказал тот, ни к кому особо не обращаясь.

Дюпри осмотрел труп в луже загустевшей крови: за шестьдесят, жирный, лысина в седоватом венчике растрепанных волос, комбинезон.

– Чтобы замыть ковер, уйдет до черта содовой, – отметил он.

Комнату озаряли фотовспышки, эксперт надел коричневые бумажные пакеты на руки покойника – вдруг тот оцарапал убийцу? Улики частенько находили под ногтями проституток, которым погибнуть было так же легко, как иным попасть в дорожную пробку.

– Боже! Ублюдки отрезали ему руки! – воскликнул Дюпри, щелкнув по пакету.

На полу рядом с трупом и на журнальном столике лежали пронумерованные оранжевые таблички – метки возможных улик, пока числом восемнадцать. Капрал фотографировал кровавые потеки, глубокую вмятину в ковре, кровавый отпечаток пальца на столешнице, газовый ключ.

Дюпри схватил пластмассовый дорожный конус, помеченный табличкой:

– Мне все ясно, миссис Стэнхаус! Вашего мужа убил малютка-слаломист!

Спайви не выдержал. Сначала на каждую дурацкую шутку напарника он только фыркал, но теперь заржал и выронил жвачку. Дюпри был доволен, когда удавалось кого-нибудь рассмешить, – разряжалась атмосфера. Потом он обычно смолкал. Спайви зажал рот, будто сдерживая рвоту, и кинулся к двери, на пороге чуть не врезавшись в старшего опергруппы Полларда, со своими очками в черной оправе и зализанными темными волосами походившего на битника шестидесятых годов. Отпрянув от мычавшего парня, Поллард вопросительно взглянул на Дюпри. Тот пожал плечами.

Оба встали над трупом и дальше беседовали, точно автолюбители, которые не в силах оторвать взгляд от великолепной машины.

– Слышал про хрень на плотине? – спросил Поллард.

– Угу.

– Как там Каролина, не знаешь?

– Я пробовал дозвониться. Хахаль сказал, она спит.

– Тот же самый, что на Рождество был?

– Ага.

– Сколько ему лет?

– Не знаю. Двадцать два. Или девять. В этом районе.

– Она молодчина. Будь я женщиной, действовал бы так же.

Дюпри перевел взгляд на Полларда.

– В смысле, если б меня тянуло на мальчиков, то и я бы... Мужики-то всегда ищут кого помоложе. Ну, ты понимаешь.

– Тебя тянет на мальчиков?

– Да нет же... – Потоптавшись, Поллард сменил тему: – Бедняжка, у нее был нелегкий выбор.

– Оклемается. Она прошла хорошую школу.

– О да, твою. Надо же, как не везет человеку.

Дюпри легонько пнул труп:

– Соседи что-нибудь видели?

– Нынче его навестил племянник. Орали. Часов в девять племяш укатил на машине жертвы.

– Номер известен?

– Да. Номер, марка, модель. Все есть. Я тебя дернул, потому что один сосед сказал, что племянник был в брюках хаки.

– Иди ты? – Дюпри взгляделся в покойника.

– Не знаю, тот ли это мужик из парка, но описания схожи.

– А другие родичи дяди Жмурика? Кто-нибудь знает племянника?

– Выясняем. У жены Альцгеймер, она в богадельне. Кажется, еще есть сестра, живет в районе Залива, ищем.

Дюпри перелистывал фотоальбом.

– Я не спросил: кто сорвал банк?

Поллард кивнул на газовый ключ, помеченный табличкой. Эксперт присыпал ключ порошком.

– Брось! – Дюпри покачал головой. – Газовый ключ? Спайви, скотина!

Каждый декабрь на рождественской вечеринке восемь сыщиков убойного отдела выбирали оружие – от бейсбольной биты до кольта, «узи» и всевозможных ножей – и потом при известии о всяком убийстве вносили по двадцать долларов. Угадавший орудие убийства забирал банк. Некоторые ставили на два-три вида оружия, и потому призовой фонд обычно был свыше двухсот баксов.

Оружие выбирали по старшинству – сначала ветераны отдела, потом новички. Салага Спайви глянул в список, в котором все мало-мальски вероятные орудия смерти были разобраны, и назвал «всевозможные тупые предметы», в точности изобразив манеру Ефрема Цимбалиста-младшего[3 - Ефрем Цимбалист-младший (1918-2014) – американский актер, снимавшийся в телевизионных сериалах-боевиках.]. И вот извольте: еще не закончился апрель, но уже произошло убийство лопатой, а теперь – газовым ключом. Невероятно. Из девяти убийств за четыре месяца Спайви сорвал куш в двух.

– Ну, что будем делать? Арестуем Спайви?

– Без вопросов, – ответил Поллард.

Прибыл замначальника отдела Джеймс Такер. Через год-другой шеф уходил на пенсию, и Такер появлялся на всяком происшествии, где ожидалось репортеры. Само собой, его прочили на должность начальника, хотя многие ветераны недолюбливали уроженца Сан-Диего, предпочитая выходцев из тесного мирка местных копов.

– Что мы имеем? – спросил Такер.

– Тупой предмет, – известил Поллард.

– Спайви, зараза!

Отвернувшись, Дюпри искал в альбоме фотографию племянника, не особо рассчитывая на удачу. Но вот они, полосы и периоды. Если человек на мосту и убийца старика одно и то же лицо, значит, есть зацепка, дело сдвинулось и непременно будет раскрыто.

Ага, кажется повезло. На причале Сан-Франциско убитый был запечатлен вместе с кургузой теткой и, видимо, ее мужем, молодой черноволосой красавицей и нагло ухмылявшимся парнем лет тридцати пяти с однотонной, явно тюремной наколкой на предплечье. Дюпри вынул фотографию из альбома и спрятал в карман.

На улице разгулялся весенний ветер. Поставив ногу на бампер машины, Спайви ворковал со смазливой репортершей.

– Проводишь пресс-конференцию?

Спайви сдернул ногу с бампера и смущенно пробормотал:

– Мы просто болтаем.

– Ты рассказал о неонацистах?

Спайви выдавил беспечную улыбку:

– Он шутит. Вечные приколы.

– Черт, верно! – спохватился Дюпри. – Об этом нельзя говорить. Спасибо, что уберег от неприятностей, напарник.

Репортерша покосилась в блокнот, и сыщик заглянул в ее записи.

– Слухи о кастрации жертвы не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, – сказал он. – Лучше справьтесь у шефа.

Девушка беззвучно раскрыла рот.

– Покойнику вырезали сердце, но я вам ничего не говорил. Если что, я откажусь от своих слов.

– Не слушайте его! – взмолился Спайви. – Он валяет дурака!

Дюпри открыл дверцу и кивнул напарнику который нехотя забрался в машину С квартал ехали молча.

– Это некрасиво, – наконец сказал Спайви.

– Я предупреждал: без моего разрешения с репортерами не разговаривать. А я всегда скажу, что нельзя.

Спайви отвернулся к окошку. Казалось, машина едет сама собой – Дюпри пребывал в глубокой задумчивости. По мосту переехали на северный берег реки.

Дюпри опустил стекло и свернул в тихий район возле Корбин-парка. Сквозь кроны деревьев в палисадниках мигали фонари над крылечками, поливалки плевались водой, забрызганные тротуары сверкали, точно усыпанные битым стеклом. Дюпри ехал медленно, вдыхая аромат клумб и зарослей сирени. Парковый район ему нравился уже потому, что здесь не случалось серьезных преступлений. Было поздно, все дела откладывались на утро, но он хотел проехать мимо ее дома – может, еще не спит? Дюпри обогнул парк, и фары высветили ее машину на подъездной дорожке перед одноэтажным домом. В глубине дома горел свет – наверное, там ее спальня. Дюпри остановился, достал фотографию из альбома убитого и положил ее на руль. За темным венецианским окном представил Каролину.

– Чей это дом? – спросил Спайви.

– Что? Так... ничей, – помолчав, сказал Дюпри.

Каролина вздрогнула, когда свет фар мазнул по окну. В темноте она сидела на кушетке и смотрела на улицу, дожидаясь, когда машина отчалит. Она знала, кто приехал. В ванной стих душ, потом скрипнула половица в коридоре, и теперь она, даже не глядя, знала, что на пороге появился Джоэл в трусах и полотенцем вытирает голову.

Каролина завидовала зрелым мужикам, беззастенчиво кадрившим молоденьких девушек, да еще изрекавшим глупости, типа «со временем мы подравняемся в возрасте». Она бы тоже хотела обманываться, но сознание назойливо напоминало: ему было шесть, когда она окончила школу; ему было четыре, когда она потеряла девственность. Особенно подкашивала мысль, что ее первые

месячные случились в год его рождения.

– Я очень виноват, Каролина.

Обернувшись, она улыбнулась:

– Да нет, ты ни при чем. Надо было выключить телефон.

– Черт меня дернул позвонить!

Каролина вновь посмотрела в окно: машина урчала на холостом ходу, лучи фар уперлись в поребрик.

– Кто-то подъехал? – Джоэл шагнул в комнату.

– Нет, случайная машина.

Вернувшись из больницы, Каролина затащила Джоэла в постель. Хотелось обо всем забыть и раствориться в похоти.

И не ворошить события дня. Было хорошо – неспешно и нежно. Она не чувствовала себя пленницей, как часто бывало в кольце его мощных рук.

– Ну я укладываюсь... – месте.

Джоэл топтался на

– Давай, – кивнула Каролина. – Я еще минутку посижу.

– Ты не сказала, как мама? – помешкав, спросил он.

– Хорошо.

– Ей лучше?

– Да.

– Здорово. – По стеночке Джоэл убрался в спальню.

Обхватив колени, Каролина смотрела в окно. Машина двинулась.

Дюпри еще раз оглянулся на дом и перевел взгляд на фотографию, с которой нагло ухмылялся татуированный парень. Казалось, он ничего не боится и все знает о внезапности смерти, женской уязвимости и хрупкости человеческой жизни. Сыщик представил Каролину на мосту лицом к лицу с этим парнем и почувствовал, что готов его убить.

Спайви покосился на снимок:

– Так мы его ищем?

Дюпри пристроил фотографию на приборную доску, включил скорость и тихо спросил ухмылявшегося мужика:

– Ну что? Это ты? Мы тебя ищем?

6

Ленни сидел в дядькиной машине, припаркованной напротив ломбарда. Наконец в пикапе подъехал хозяин, он отпер ворота и толкнул створки. Жирный мужик был в трениках и грязной белой футболке с блестящей лягушкой на груди. Ленни не понимал грязнуль. Они его бесили. Вот и Шелли, когда еще не торговала передком, шастала в том, что попало под руку. Иногда Ленни сам стирал ее шмотки, а она все равно напяливала заношенные крохотные шорты. Вот же есть чистые! Просто уму непостижимо.

Лавка называлась «Никелированные изделия», но выбор оружия в ней разочаровывал. Однако Ленни собирался чем-нибудь разжиться, хотя приехал совсем не за этим. Вчерашняя история в парке все изменила, загнав его в цейтнот.

Ленни вылез из «понтиака» и, засунув руки в карманы штанов хаки, перешел улицу. Хозяин уже раздвинул решетку, отомкнул запоры и почти вошел внутрь, но Ленни выставил руку, не дав ему закрыть дверь.

– О господи! – Толстяк подскочил и схватился за сердце. – Я чуть не обделался! Разве можно так подкрадываться?

– Извини, – сказал Ленин, протискиваясь в лавку.

– Рановато пришел. Я откроюсь полдевятого.

Будто не слыша, Ленин прошел к витрине с охотничьими ножами. Может, лучше перо?

Хозяин посмотрел на часы:

– В восемь тридцать. Через двадцать минут.

– Ага. Ладно. – Опершись на витрину, Ленин разглядывал искусный охотничий нож с костяной рукояткой.

Толстяк накренил голову и усмехнулся:

– Ты тормоз, что ли?

– Нет. – Ленин молниеносно саданул локтем в стекло, тотчас избороздившееся огромной трещиной. Прежде чем хозяин опомнился, снова ударил, на сей раз пробив дыру. Потом на глазах опешившего толстяка вытащил осколки из рамы и взял нож.

Теперь хозяин его узнал:

– Ты заходил вчера... спрашивал насчет... как его...

– Насчет браслета. – Ленин спокойно взял у него ключи и запер входную дверь. Потом медленно вернулся, показал ломбардную квитанцию и вновь отошел к

витринам.

– Да-да, браслет. – Толстяк пытался сделать вид, что ничего не произошло. – Точно. Его заложила твоя знакомая цыпа.

– Верно. А ты не пожелал вернуть.

– Я же говорил, через какое-то время... только владелец может выкупить по залладной цене. —

Ломбардщик посмотрел на нож в руке Ленин. – Знаешь, для тебя я сделаю исключение.

– Спасибо.

Облегченно вздохнув, хозяин просеменил за конторку и стал копаться в ящике с украшениями. Потом взглянул на Ленин и выдавил улыбку:

– Наверное, переоформил... Сейчас вспомню.

– Он золотой.

– Точно, точно! – Ломбардщик открыл другой ящик.

– Ты дал ей десять баксов. Браслет стоит две сотни. Она была на мели.

Толстяк занервничал:

– Да, нехорошо вышло. Но она вроде как не шибко возмущалась.

Хозяин достал золотой браслет-цепочку. Увидев его, Ленин поморщился. Потом взял в руки и долго разглядывал.

Ломбардщик попятился к стене:

– Я тебя вспомнил. Мы говорили о тюряге. У тебя наколки... недавно откинулся.

– Пару месяцев назад. – Ленин не отрывал взгляд от браслета Шелли.

– Ну да, я спросил, как оно на воле, и ты сказал, что в крытку больше не вернешься. Понятное дело, говорю. Помнишь?

Изящная вещица разозлила Ленин. Как они, мать их за ногу, сцепляют крошечные звенья? Это ж какие руки надо иметь? Поди, не чета его граблям.

– Вот еще вспомнил! – не унимался толстяк. – Ты спрашивал про эту... ну, девушку, что сдала браслет.

Она шлюха, верно? Работала на черномазого, который в парке торгует наркотой. Ты его разыскал?

– Да. – Ленин отошел к витрине с пистолетами.

Воспрянувший хозяин все балаболил:

– Ну и как, забодяжил?

– М-да.

– Хорошая наркота? – обрадовался ломбардщик. – Прибалдел?

Ленин показал на девятимиллиметровый кольт:

– К этому есть патроны?

– Не-а. Боеприпасов не держу.

Ленин глянул на локоть и заметил, что длинный рукав черной футболки пропитался кровью. Он досадливо сморщился и, подскочив к конторке, полоснул ножом. Защищаясь, хозяин вскинул руки, и клинок рассек ему ладонь.

– Ладно, ладно! – завопил толстяк. – Патроны в нижнем ящике!

Открыв ящик, он выложил на прилавок полную обойму и две коробки патронов.

– Отопри витрину.

Хозяин помешкал, но потом здоровой рукой отер лоб и открыл застекленный шкаф. Ленин взял пистолет, взвесил его на руке, повертел и прицелился в окно.

Толстяк зажимал кровоточащую рану. Ленин вогнал обойму в пистолет и поднял на ломбардщика взгляд, в котором промелькнуло нечто сродни жалости.

– Слушай, а чего ты майку-то не простирнул? – спросил он.

– Что?

– Майка, говорю, грязная.

Толстяк себя оглядел и с трудом сглотнул:

– Цапнул из бельевой корзины. Я люблю эту майку.

Ленин сгреб браслет. В подсветке витрины вспыхнули золотые звенья.

– Меня уже грабили, – сказал ломбардщик. – Не бойся, я даже не пикну. Я сам полгода отмотал. За мухлеж с чеками. Так что я все понимаю. Не сомневайся.

Лицо Ленин пошло красными пятнами.

– Почему ты заплатил ей гроши? Не мог по-честному?

Толстяк молчал, разинув рот.

– А что еще было? Что ты заставил ее сделать?

– Ничего... – Хозяин поперхнулся.

– Встань на колени.

Ломбардщик обмер:

– Мы же вроде как сладились... Я думал, все путем...

– На колени.

– Слушай, прости за твою бабу.

Ленин шевельнул стволом, и хозяин медленно опустился на колени. Взгляд его обежал комнату, словно в поиске хоть какой-нибудь лазейки или помощи. Ленин видел, как дрожит неряха, на коленях такой маленький, и чувствовал, что его самого знобит. Может, не надо? Пострашать мужика – и хватит. Опа, квитанция так и осталась в кулаке. А мужику невдомек, что у него подбородок ходит ходуном. О чем он сейчас думает? А каково было Шелли? Наверняка он о чем-то сожалеет и что-то хотел бы изменить. Да нет, это зрелые мысли, а у сморчка сейчас одно детское желание – прижаться к мамочке или спрятаться под кровать. Про животное говорят: отмучилось. Наверное, в этом что-то есть. Жизнь – сплошное паскудство. И какая разница, хорошо ты поступаешь или плохо. Всякая жизнь когда-нибудь закончится.

Ленни поднял пистолет. Толстяк зажмурился и закрыл руками лицо.

– Господи! – взвыл он. – Что с тобой вчера стряслось-то?

7

– Это он.

Дюпри взял Каролину за плечо и подровнял тонкую пачку листов – на каждом шесть фотографий анфас и в профиль:

– Гляньте еще разок. Чтоб наверняка.

– Излишне. Это он.

– Поблажите мне, – улыбнулся Дюпри.

Каролина просмотрела все распечатки и вновь отобрала второй лист. Потом щелкнула по фото и оттолкнулась от стола:

– Номер четыре, точно.

– Правильно, – сказал Спайви.

– Это не экзамен, – буркнул Дюпри.

Каролина отвела взгляд от снимков:

– Четвертый номер.

В углу допросной Спайви завозился со своей новой игрушкой – диктофоном, недавно заменившим всегдашний блокнот:

– Двадцать девятое апреля. Оpozнание по фото. В четвертом номере детектив Мейбри опознала человека, который двадцать восьмого апреля сбросил с моста Кевина Хэтча по прозвищу...

Дюпри стиснул ему пальцы, заставив отключить диктофон.

– Не надо, – сказал он. – Не смейте людей.

Спайви вышел из комнаты, что-то бормоча в микрофон.

– Вы уж извините. – Дюпри собрал распечатки и сел рядом с Каролиной, взглядом сверлившей дырку в столешнице. – Идею запустить мартышек в космос похерили, видимо, не зря.

Каролина забрала у него снимки:

– Волосы чуть длиннее, но это он. Глаза... Как его зовут?

– Ленин Райан. Только что отмотал пятерик. Сидел в Ломпоке, Калифорния. Тяжкие телесные, кража, хранение с целью сбыта. Мелочевка. Вышел пару месяцев назад. Слинял из Окленда, где был на УДО. Никто не знал, что он здесь, пока малый не взялся учить нырянию.

Каролина разглядывала снимок.

– Значит, здесь его родня?

– Пока нам известен лишь дядюшка Газовый Ключ. Мы всего час назад узнали от матери имя парня. После отсидки она его не видела.

– И он явился купить наркоту и угнать дядькин старый «понтиак»? Глупо. – Каролина подняла отпечаток, рассматривая глаза человека на снимке. – Тогда зачем он приехал?

– Кто его знает. Такой может объявиться без всякого повода.

– Какой – такой?

– Он как волчок.

– Что?

– Вы слишком молоды, не застали волчков. Кругляш на ножке. Наматываешь веревочку, дергаешь, и он кружится. – Неужто он не поведал ей теорию волчка? Четыре недели со Спайви вновь пробудили в Дюпри педагога. – Так и этот малый: дернешь за веревочку – он маленько покружится, потом его начнет мотать, и он либо свалится со стола, либо во что-нибудь уткнется. В кружение юлы нет разума и логики.

– По-вашему, я дернула за веревочку? – усмехнулась Каролина.

– Нет, не вы. – Дюпри пожалел, что затронул тему. – Облава. Малый только что освободился, а его берут на сделке с наркотой. Он не хочет опять на нары и

швыряет подельника в реку, чтобы удрать. Бац, вот вам волчок.

– Избегая ареста за мелочевку, он совершает тяжкое преступление? Какой в этом смысл?

– О том и речь. Волчок не ищет смысла. Только кружится.

– И что, мы просто подождем, когда он остановится?

Этот вопрос Дюпри рассмотрел не так пристально, как морщины у нее на лбу.

– Как ваша мама? – помолчав, спросил он.

– Хорошо.

– Ей лучше?

– Да.

– Славно. Я рад.

Каролина снова взглянула на фото. Казалось, она запоминает каждую черточку Ленин Райана: узкий лоб, густые светлые волосы, темные брови, перекошенный рот. Каролина протянула снимок Дюпри:

– От меня еще что-нибудь нужно?

– Нет. Пожалуй, это все. Что у вас на сегодня?

– В десять облава в Ист-Сентрал. Берем поставщика Паленого.

– Маскарад?

Каролина рассмеялась:

– Без меня. Мое место в фургоне. В ближайшее время меня вряд ли допустят к костюмированным операциям.

– Наверное. – Дюпри поерзал, не зная, как заговорить о том, что его сильно тревожило. – Похоже, вы маленько... Как себя чувствуете?

– Лейн советует показаться специалисту. Я пригрозила жалобой в гильдию, и он дал деру.

Дюпри кивнул и встал, засунув руки в карманы. Может быть, поза выразит то, о чем не получалось сказать, как-нибудь передаст его чувства, не повергнув ее в панику. А паника вполне возможна, если угадать его мысли.

– Обратиться к специалисту совсем не зазорно. Вы ведь понимаете, да? Вдруг поможет.

– Знаете, вам и впрямь пора уходить, – сказала Каролина.

Дюпри улыбнулся ее резкости. Она молодец, а он рассиропился от ее дразнящей близости. Бывало, он разглядывал кусочек ее тела – изгиб бедра, линию голени, затылок – и боялся за послушание своих рук, мечтая, чтоб они его предали. Одного прикосновения к ней было бы довольно, говорил он себе, понимая, что на этом не остановится.

В допросной, узкой длинной комнате, не было ни окон, ни киношного двустороннего зеркала – только стол, дверь и стены, угнетавшие опасным обещанием интима. Дюпри прокашлялся и взял фото Ленин Райана:

– Вот он какой, тренер по плаванию для моих ребяташек.

Каролина улыбнулась. Ее тоже влекло к нему, и она отстранилась, перебирая обычные отговорки: он женат, легкомыслен, костляв, циничен и слишком стар. Последнее заставило усмехнуться над собственным лицемерием. Дюпри старше ее на двенадцать лет – та же разница, что между ней и Джоэлом. Лишь однажды, пятнадцать лет назад в колледже, она встречалась с мужчиной гораздо старше себя. Смешно: тот тридцатилетний преподаватель английской литературы, тощий, почти как Дюпри, казался ей глубоким стариком, а сейчас

она на шесть лет старше его. Он соблазнил ее по всем правилам, если такие правила существуют для мужчины, который после любви на матрасе в заваленной книгами комнате цитирует Неруду, притворяется, будто внимает каждому ее слову, и по-мальчишески неумел и рьян в постели. Для старшекурсницы, изучавшей уголовное право, поэзия Неруды была приятным отвлечением («Так я ступаю по твоей пылающей плоти»[4 - Строка из 16-го сонета цикла «Сто сонетов о любви» Пабло Неруды: «Так я ступаю по твоей пылающей плоти, целую тебя, крохотную и планетарную, мою голубку, мой мир».]), но сразили ее бутылка вина и стихотворение Уоллеса Стивенса «Властитель сласти»[5 - Уоллес Стивенс (1879-1955) - американский поэт. Речь о его стихотворении The Emperor of Ice-cream (1922).], последние строки которого и сейчас звучали в голове, пробиваясь сквозь чувство вины, шум водопада и горести работы: «Пусть “быть” будет финалом напасти. Единственный царь - властитель сласти». Преподаватель стал говорить об экзистенциальном смысле строки, выражавшей триумф мига над шансом, материального над абстрактным, сласти над смертью, но Каролина уже решила с ним переспать и взять двойную специализацию - поэзию и уголовное право.

Каролина задумалась о своей прошлой влюбленности и нынешнем увлечении. Они кое-что говорят о девочке, чей отец ушел из семьи. Тяга к зрелому состоявшемуся мужчине нездорова по своей сути. Смесь отца и любовника не сулила ничего хорошего - по крайней мере, мужчине: утрата былой мощи, седина, все большее самообольщение, а в случае с Дюпри еще и защитный панцирь, выросший за долгие годы.

Шум в коридоре обоих вывел из задумчивости. Каролина встала:

- Пожалуй, я...

- Да, вас ждет облава в наркопритоне.

С видом парочки, наскоро перепихнувшейся в обеденный перерыв, они бочком вошли в убойный отдел, где царила суматоха. Поллард уже натянул пиджак, сгреб со стола блокнот и ручку и двинул к двери. Дюпри и Каролина отступили к картотеке, вытянувшейся вдоль стены.

- Что происходит? - спросил Дюпри.

– Малый ограбил ломбард и пристрелил хозяина, – объяснил Поллард.

– Господи! – Дюпри покачал головой. – Выходит, четверо за сутки? Идем на рекорд.

– Пока нет. Хозяин жив.

– Серьезно?

Поллард кивнул:

– Только не спрашивай, как ему это удалось. Мужик схлопотал пулю в голову, его нашли через час.

Каролина шагнула к выходу.

– Ну, увидимся, – вслед ей сказал Дюпри.

– Ага, – ответила она. – Пока.

Проводив ее взглядом, Дюпри глубоко вздохнул и растер лицо. Неоспоримый факт: когда случались подобные заварухи, их тянуло друг к другу еще сильнее. Наверное, это происходило со всеми копами. Профессия толкала к адюльтерам, и особенно с тех пор, как в семидесятые-восемидесятые женщин стали брать на полицейскую службу. Чем хуже ситуация, чем дольше смены, чем больше адреналина, тем вероятнее, что какая-нибудь парочка переплетется прямо на полу в надежде на разрядку и исцеление. А ситуацию хуже нынешней, полосу чернее даже не вспомнить.

– Кстати, – сказал Поллард, – если мужик окочурится, ты сорвешь банк.

– Что? – обернулся Дюпри.

Поллард криво усмехнулся – левый уголок рта съехал вниз, левая бровь настолько же взлетела:

– Мужик из ломбарда. Стреляли из девятки. Твоя ставка, верно?

Дюпри вспомнил рождественскую вечеринку – он еще удивился, что никто не захватил девятимиллиметровый кольт. Ребята ржали, мол, теперь он сам всех замочит из табельного оружия. Шутка не показалась смешной. На этих вечеринках ему не удавалось так напиться, чтобы лотерея предстала забавной.

Поллард все стоял, ждал ответной остроты. Но так и не дождался.

8

В трусах и некогда белой футболке Тормоз Джей навис над журнальным столиком и затянулся из стеклянного кальяна. Когда доза стала иссякать, он сдернул мундштук и присосался прямо к трубке. Затем поставил чашку в кальян, откинулся на кушетке и выпустил клуб дыма.

– Глаза продрал и сразу закосел. Плохо, что ли?

Дуло оторвался от тарелки с хлопьями:

– На кой тебе эта фигня?

– Сам не знаю, – ответил Тормоз Джей, – ностальгия. – Освобождая себе место, он сбросил коробку из-под пиццы на замусоренный пол.

В комнату вошла Катрина – только что заплетенные косички уже растрепались.

– Джей, чтоб тебя, ты им займешься или как?

Тормоз прислушался к сиплому скулежу в спальне:

– Ага, только сейчас я маленько занят. Может, ты...

– Соси банан. Твоя обязанность. Я за сигаретами.

Катрина вышла на улицу. Тормоз проводил ее взглядом, посмотрел на Дуло и закатил глаза.

В открытую входную дверь просунулся парень лет за тридцать – длинные патлы, линялые джинсы, черная майка, рюкзак и новенькие кроссовки.

– Здорово, братан. – Он взмахнул рукой. – Чем потчуеть сегодня?

Тормоз Джей и Дуло уставились на него.

– Опять, что ли? – ухмыльнулся Джей.

– Ага, – сказал парень. – Чё у тебя есть-то?

– А что, вчерашнюю дозу уже высадил? У тебя, знать, железные легкие.

– Понимаешь, тусовка была.

Тормоз и Дуло переглянулись.

– Ты получал приглашение, Дуло?

Тот угрюмо покачал головой.

– Может, надо глянуть? – сказал Тормоз Джей.

– Точно. Сгоняю домой – проверю почту.

– Да ладно тебе, братан. – Парень с рюкзаком вскинул руки.

– Прилаживай горбатого к стенке, – ответил Тормоз Джей. – Собираешь тусовку на мой товар, а меня не зовешь. Дерьмово, кореш.

В фургоне Каролина проверила застежку кобуры. Из динамика донесся голос Геррати: «Я так затор-чал – думал, вы тоже пришли».

Сержант Лейн поморщился, глянул на Каролину и четырех оперативников. Каролина пожала плечами – мол, нашелся, молодец. После короткой паузы в динамике раздался смех Тормоза и Дула. Обычно прослушку вел один оперативник, но Лейн, гадая, не пора ли начинать захват, совсем извелся и включил громкую связь.

«Заторчал?» – переспросил голос постарше. Осведомитель донес Геррати, что это «Тормоз Джей» Прингл, портлендский байкер, на дому торговавший крэком и метамфетамином. Мет не удивлял, байкеры промышляли им уже лет сорок. Спокан – город мета. А вот крэк – нечто новенькое. Геррати был убежден, что Тормоз Джей – поставщик Паленого. Предполагалось, что Паленый сдаст Джея, того придавят и выйдут на его источник. Когда все вокруг торгуют метом, отследить крэк достаточно просто, а Тормоз Джей, похоже, единственный, у кого его навалом.

«Заторчал, значит? – слышался голос Джея. – Я ж говорил, братан, товар первоклассный. Клево торкнуло, да?»

Фоном слышался хриплый собачий скулеж. Скрючившись, Каролина сидела на полу фургона. Поерзала. Хоть бы скорее войти в дом, повязать этих придурков, и тогда можно съездить к матери. Как там сказала медсестра? Организм сам определяет порядок ухода.

«Так есть чего-нибудь?»

Что с громкой связью, что без нее, сержант Лейн весь издергался. Еще один повод поскорее все закончить. После каждой реплики из динамика сержант оглядывал оперативников, пытаясь по их отклику оценить ситуацию.

«Слушай, паря, ты в натуре дымоход!»

Второй объект, о котором, кроме клички, Геррати ничего не выяснил, одобрительно заржал и повторил: «...в натуре дымоход».

В фургоне напряжение нарастало с каждым скрипом и кашлем, перемежавшимися отдаленным неумолчным скулежом.

– Господи, – сказал Солаита. На переднем сиденье он в бинокль наблюдал за домом. – Нет чтоб выпустить несчастную собаку.

В динамике стукнула входная сетчатая дверь. Солаита поднял палец и коснулся груди – знак, что вернулась женщина, выходявшая из дома.

«Что за дела, Джей?» – спросил женский голос.

«А как ты думаешь? Торгуем помаленьку».

Повисла тишина, потом женщина нервно засмеялась.

«Можно тебя на минутку, Джей?»

В фургоне всё поняли. Сержант Лейн глянул на оперативников в черном облачении и бронежилетах и в микрофон гарнитуры отдал приказ выдвигаться четырем патрульным машинам, стоявшим наготове.

«В минутку ты не уложишься», – ответил Джей.

Девушка не выдержала:

«Ты мудака, Джей. Он же легавый».

– Зараза! – Сержант Лейн вскочил и ткнул водителя в спину. Врубив скорость, тот рванул с парковки.

Цепляясь за легенду, Геррати наиграл возмущение:

«Это кто, я легавый?»

Девушка рассмеялась:

«Полгода назад ты меня арестовывал. Уволился, что ли?»

«Всем лечь! – заорал Геррати. – Мордой в пол!»

Фургон пролетел по переулку, свернул и выскочил на жухлый газон перед домом. Каролина тотчас поняла, что увидит картину, знакомую по прежним облавам: топчан на веранде, простыни в роли штор, обшарпанные стены в облупившейся краске, истлевшая серая дранка крыши.

Задняя дверца фургона распахнулась, оперативники бросились к веранде. Перепрыгнув через две ступеньки крыльца, Каролина влетела в дом третьей. Геррати уже повалил Джея на брюхо и, упершись коленом ему в спину, орал:

– Руки в стороны! В стороны, я сказал!

Солаита то же самое проделал с Дулом, чей ошалелый взгляд говорил о первом знакомстве с процедурой.

Девушка, понаторевшая в подобных мероприятиях, лежала на полу, сцепив руки на затылке. Каролина оставила ее на попечение оперативников и двинулась по загаженному дому. Перешагнула через мусорную кучу в прихожей и прошла в ванную с явно отключенным водопроводом. Ей уже доводилось видеть жилища, где обитатели, доверху загадив унитаз, испражнялись в душевой поддон. Зажав ладонью рот, Каролина попятилась в коридор.

– В ванной никого, – сказала она в микрофон и продолжила обход.

Скулеж стал громче. Собака ныла в спальне.

На кухонном столе сковородка с застывшими макаронами в сыре, огрызки сэндвичей, упаковки от чипсов, пивные банки. Подгузник.

– В кухне чисто, – передала Каролина.

Задней веранде, располагавшейся сразу за кухней, отвели роль спальни и столовой. Еще не коснувшись разболтанной дверной ручки, Каролина ужаснулась. Явственный плач и безошибочный запах подсказали, что она увидит, переступив порог.

Голый шестимесячный младенец, осипший от крика, лежал на боку, просунув руку сквозь прутья кровати. Запах мгновенно уведомил, что обкакался он

давно. Кто-то скотчем приклеил пустышку к его рту, но малыш ее отодрал, и теперь она болталась у его щеки. Плач ребенка походил на бесперебойный шорох иглы на отыгравшей пластинке. Малыш уже никого не звал. Он просто не умел издавать иных звуков.

Каролина метнулась в кухню и сдернула со стула чью-то фланелевую рубашку. Потом достала малыша из зловонной, насквозь промокшей кровати и завернула в импровизированную пеленку. Ребенок был не тяжелее сумочки. И, похоже, не заметил, что его взяли на руки.

Каролина осторожно отлепила пустышку от его щеки, прижала ребенка к груди и стала покачивать, но он все плакал. Через кухню и коридор Каролина видела бронежилеты оперативников, утихомиривавших Тормоза Джея, Дуло и девицу. Хотела кому-нибудь сообщить о своей находке, но будто онемела. Малыш уронил голову ей на плечо – не приник, не брыкался, просто уронил голову. Каролина слышала собственное дыхание, отдававшееся в висках.

От вони зажав нос, сержант Лейн прошел через кухню. Он слегка опешил, увидев фланелевый сверток в руках Каролины, но потом все понял и, сдернув с носа очки, прищипнул переносицу Разжав дрожащую руку, Каролина показала скотч и пустышку

– Я свяжусь с СЗД, – шепнул сержант.

Пока Лейн звонил в службу защиты детей, Каролина искала бутылочку В одном шкафчике были только крошки чипсов и два почерневших банана, в другом пачка риса и фотоальбом. Никакого детского питания. Бутылочка обнаружилась в холодильнике, но пустая – молочные разводы на стенках, старая потрескавшаяся соска.

Скулеж не стихал, и тогда Каролина сунула малышу в рот мизинец, как делала невестка, угомоняя Челси. Малыш стал сосать палец – чмок-чмок, передохнет и снова принимается. Вскоре он умолк, а через минуту заснул.

Осторожно, чтобы его не разбудить, Каролина прошла в гостиную. Увидев ее ношу, оперативники притихли – вспомнили скулившую собаку. Шел допрос, задержанные ничком лежали на полу. Сбросив тряпье с кушетки, Каролина уложила ребенка и заменила заскорузлую фланелевую рубашку мягкой

футболкой. Малыш почувствовал, что Каролина куда-то делась, вновь тихонько заплакал и протянул к ней скрюченные пальчики.

Тормоз Джей услышал плач и приподнял голову:

– Эй, чё тебе надо от моего пацана?

Каролина не помнила, как оказалась в углу комнаты. Одной рукой она ухватила Джея за скованные запястья, другой вцепилась ему в волосы и рывком вздернула на ноги. От боли Тормоза аж перекосило, и он завопил, балансируя на пятках. Каролина заломила ему руки и со всей силы шмякнула мордой о камин. Ноги Тормоза подломились, он рухнул. В кулаке у Каролины остался клочок курчавых каштановых волос.

Сержант Лейн и патрульный оттащили ее и пихнули к двери. Каролина тупо смотрела на волосы в своей руке, ее качало. Ребенок вновь тоненько заскулил. Каролина выронила клочок и глянула на Джея – лицо в крови, но живой.

Чьи-то руки подтолкнули ее в спину, Каролина очутилась на веранде. Она привалилась к стене и сползла на пол, вслушиваясь в надсадный младенческий плач.

9

Когда в тот же день Дюпри вызвали на реку, он сперва подумал, что рыбацкая лодка все же наткнулась на раздувшийся труп Кевина Хэтча. Но пока он ехал от плотины до Мирной долины, лейтенант Бранч по мобильнику обрисовал ситуацию, и Дюпри понял: произошло нечто иное, теоретически возможное, но доселе не встречавшееся – редкое природное явление (этаким криминальный эквивалент черной дыры), одновременно подтверждавшее и принижавшее его хитроумный вывод о самодостаточном зле, обитавшем в периодах света и тьмы.

– Вас интересует мое мнение? – спросил лейтенант Бранч. – Я думаю, нам привалило заполучить маньяка.

Новый труп обнаружили в той же самой промоине, где днем раньше нашли Ребекку Беннетт. Эксперты допоздна исследовали место преступления и отбыли уже за полночь, лентой огородив участок и известив патрульных. Но когда на другой день Крис Лейрд, старший группы, прибыл на место, на том же самом пятачке в той же позе лежал труп другой женщины, точно так же закиданный ветками. Как будто убийца разозлился, что полицейские потревожили могилу, и восстановил статус-кво. Наглость его обескураживала. Это ж каким надо быть хладнокровным душегубом, чтобы вернуться на место преступления, где идет расследование, и подбросить второй труп.

– Да уж, неделька выдалась... – начал Дюпри.

– ...потрясная, – за него договорил лейтенант Бранч. – Накопилось столько отгулов – осенью некому будет работать.

Но Дюпри размышлял о другом: за два дня четыре необъяснимых убийства – пять, если ломбардщик не выживет. Он думал о критической массе, черных дырах и зонах такой плотности и гравитации, что они обрушиваются в самое себя, свертывают время и пространство, изменяют физические законы и создают собственную энергию. Люди склонны воспринимать насилие как отклонение, нечто дурное, противоестественное. Но что может быть естественнее насилия? И как всякий закон природы, оно достигает крайнего состояния, в котором само себя поддерживает, набирает вес, плотность и скорость, закручиваясь в самое себя.

Дюпри оставил Спайви в участке – мол, по телетайпу надо разослать описание Ленин Райана. По правде, напарник уже бесил. Дюпри знал туповатых копов, но еще не встречал такого непонимания иронии. Паркуясь на берегу рядом с машиной Лейрда, Дюпри хотел поведать Бранчу свою теорию черных дыр, но потом отказался от этой бессмысленной затеи.

– Ладно, я на месте, – сказал он в телефон. – Что от меня требуется?

– Возглавить группу.

Готовясь к запаху, Дюпри мазнул под носом ментоловым кремом:

– Я думал, дело ведет Лейрд.

Возникла пауза – Бранч явно размышлял, как бы поделикатнее указать на всем известную некомпетентность Лейрда, и наконец разродился:

– Может так случиться, что делом займутся все.

– Хорошо. – Дюпри дал отбой и, шагая по хрустким веткам, прошел к опушке, где давеча следопытка обнаружила Ребекку Беннетт.

День выдался жарче вчерашнего, почти восемьдесят[б - Около 27 °C.], – удивительно для апреля на тихоокеанском Северо-Западе. Весеннее половодье затопило берег, и деревья, доверчиво полагавшие себя в безопасности, теперь стояли в воде.

На опушке, по периметру огороженной полицейской лентой, детективы и эксперты изучали каждую щепку и кусок коры, с разных ракурсов щелкали камерами, просеивали землю и песок. Площадка напоминала шахматную доску – натянутые шнуры разбивали ее на квадраты, фиксируя точное место каждой находки. Опушку облюбовали бомжи, и потому здесь было полно мусора – пустых бутылок и всяческих упаковок. Все это сфотографируют, занесут в протокол, руками в перчатках уложат в отдельные пакеты, запечатают и снабдят биркой с кратким описанием. Ясное дело, мусор этот черт-те откуда. Со всех улик снимут отпечатки пальцев всякого рода бомжей, которым не хватило бы духу и возможностей подбросить новый труп. Нет, тут действовал кто-то другой. У него машина и связь со шлюхами, он увидел телерепортаж о происшествии, выбрал новую жертву, убил ее и привез туда же, куда и первую.

Убийца связан со шлюхами. У него есть транспорт, и он знал, что сыщики покинули место происшествия. Возможно, живет неподалеку, видел отъезд полицейских. Или таксист. Или коп.

Неуклюже перешагивая через шнуры, к Дюпри поспешал толстозадый Лейрд, смахивавший на шестифутовую кеглю.

– А ведь я предупреждал: не вырвешь корешки – мертвяки опять прорастут, – сказал Дюпри, подныривая под оградительную ленту.

Шнуры, натянутые на уровне коленей, делили площадку на ряды в три фута шириной. Эксперты фотографировали общий вид места преступления, потом каждый сектор в отдельности. Они исследовали каждый квадратный ярд, перебирали мусор, осматривали кусты на предмет недавно сломанных веток, искали следы и отпечатки на траве, просеивали землю. Два местных агента ФБР, солдафоны, которых Дюпри окрестил Гомером и Пайлом[7 - Гомер Пайл – простоватый автомеханик, персонаж телевизионного «Шоу Энди Гриффита» (The Andy Griffith Show, 1962–1969).], держались точно богатые кузены среди бедных родственников, высокомерно предлагая воспользоваться их лазерами и компьютерной базой данных.

Лейрд отвел Дюпри в сторонку

– Зрелище скверное, – сказал он.

Дюпри бросил взгляд на труп. Блондинка, а первая жертва темноволосая. Скопище опарышей – значит, убита относительно недавно. Во всем прочем жуткое сходство со вчерашним случаем. Труп притулился в том же овражке, забросан теми же ветками. Дюпри передернуло, и он посмотрел на реку – мол, надо проверить, не оттуда ли прибыл убийца. Несколько раз коротко выдохнул, прокашлялся. Накатило знакомое желание сграбастать Дебби и детей – укрыть их, защитить.

– Что говорят патрульные? – спросил Дюпри. Вышло хрипло и пискляво.

– Машина проезжала тут каждый час, – ответил Лейрд. – Наверное, труп скинули между проверками.

Дюпри кивнул и вновь огляделся, стараясь не встречаться взглядом с говнюками из ФБР, которые отдавали приказы экспертам и вели себя так, словно они здесь главные. Однако что-то в них раздражало больше обычного.

– Эти уже достали? – спросил Дюпри.

– Да нет, но какие-то они дерганные. Похоже, ждут аналитика.

– А, знатока прошлогоднего снега. – Чтобы не видеть труп, Дюпри отвернулся к дороге. – Обочину на отпечатки проверил?

– Черт. – Лейрд зажмурился. – Забыл совсем.

– Не суетись. – Дюпри отдышался и обвел взглядом периметр. – Я посмотрю.

Лейрд повернулся к трупу:

– Думаешь, кто-то косит под серийного убийцу?

Дюпри собрался с духом и подошел к мертвой девушке, калачиком свернувшейся на берегу. На виду только макушка и босая ступня, тело забросано сучьями и ветками. Дюпри надел перчатку, нагнулся и стал отбрасывать ветки.

– Алан, может, пусть лучше эксперты...

Дюпри осторожно откидывал по одной ветке. Открылось правое плечо, потом запястье и, наконец, то, что он хотел увидеть, – кисть. Дюпри попятился. В кулаке покойница держала две двадцатидолларовые купюры. Точно бумажные цветы. Как Ребекка Беннетт. Дюпри и Лейрд молчали и лишь так и эдак поворачивали головы, словно в музее рассматривали произведение искусства, отдавая должное простоте замысла и смелости творца. Дюпри то ли пискнул, то ли вздохнул. Лейрд кивнул.

– Чтоб меня, – сказал он.

Опасливо перешагивая через шнуры, подошли агенты ФБР. Встали рядом, было видно, что они взбудоражены.

– В наших краях оказался парень из Куантико, – сказал долговязый агент, которого Дюпри окрестил Пайлом. – Аналитик.

– Думаете, его рук дело?

Агент будто не услышал:

– Ваш лейтенант просил нас порыться в базе данных.

В Куантико отдел поведенческого анализа отслеживал серийные убийства по всей стране, изучая сходство мотивов и улик. Сейчас четверо мужчин не отрывали глаз от покойницы, словно чего-то от нее ждали.

Наконец агент, которого Дюпри обозвал Гомером, отвернулся:

– Невероятно. Город сбрендил.

Вспоминая два последних дня, Дюпри представил этакую волну: до поры она невидима, но от ее приближения уже дыбятся волосы на загривке. Волна поднимает ветер, который сливается с другими ветрами, превращает ручьи в речные потоки, выходящие из берегов. Набирает скорость, обретает гребень, удваивает, а потом утраивает свою плотность и гравитацию, вращается все быстрее. Водоворот. Черная дыра. По гипотезе, через черную дыру попадаешь на другой край Вселенной. Дюпри представил себя на краю громадной воронки, нескончаемо извергающей трупы.

Он прошел за границы площадки, разглядывая всякий отпечаток, всякую впадину и сосновую заросль. Этот участок реки был всего в паре миль от города и Прибрежного парка, но не особо посещаем. Естественная пойма избежала застройки и стала местом, где потягивали пиво старшеклассники, ночевали бомжи и загорали стареющие хиппи. О близости города свидетельствовал только мусор, и вот его-то Дюпри и исследовал, аккуратно складывая в пакеты из-под сэндвичей бутылки, коробки, окурки и прочую хоть что-нибудь обещавшую дрянь.

Агенты ФБР, поджидавшие своего криминалиста, буквально сияли. Ну еще бы, серийный убийца гораздо привлекательнее напугавшихся грабителей банков и тупоголовых неонацистов. Парочка деловито шурилась в полевые компьютеры и высокотехнологичную экспертную технику, лазерами размечала площадку, которую полицейские, точно неандертальские сыскари, исполосовали шнурами. То и дело Гомер и Пайл болтали по сотовым телефонам, их лица раскраснелись, выдавая такое понятное и такое гадкое возбуждение от расследования убийства.

В отличие от жужжавших агентов Дюпри все больше скисал. Он посмотрел, как проводники с собаками обследуют берег, ища улики. Или новые трупы. Раз уж убийца облюбовал здешние места, вполне возможно, что он припрятал еще кого-то.

Однако Дюпри оказался не готов к знакомой сладковатой гнилостной вони, которую учуял за речной излучиной ярдах в трехстах. Ищейка обнюхивала бугор из земли и веток, так похожий на два прежних, что Дюпри не сдержал стога. Проводник Фарли, славный нескладеха, почесывал собаку за ухом и прятал глаза, словно разделяя вину за страшную находку.

Дюпри подошел ближе, откинул пару веток, раз-другой смахнул землю и, увидев сухую почерневшую плоть, все понял. Попятившись, позвонил лейтенанту – давайте сюда следственную бригаду Фарли смотрел в пустоту, пс лапой царапал бугор.

– Убери собаку к чертовой матери! – Дюпри сам подивился резкости своего тона.

Фарли безмолвно оттащил пса и повел его к реке. Тот поводил носом, вынюхивая новые трупы. Напоследок Фарли оглянулся, и Дюпри дернул плечом – мол, извини.

Он разглядывал бугор – скорее веху, нежели укрытие. Кто-то оставил метку, чтобы снова сюда вернуться. Дюпри вдруг пожалел, что знаний у него маловато, и позавидовал агентам ФБР. Поиск серийных убийц – особое дело, отличное от рутинной сыскной работы. Дюпри бывал на бесчисленных следовательских семинарах и конференциях, но предпочитал игнорировать болтовню о портрете, почерке, модели поведения сексуального маньяка и прочих аспектах серийного убийства. Все это казалось шаманством, далеким от интуиции и здравого смысла, на которые полагался он, коп-практик. А теперь жалел, что многое прохлопал.

Солнце ныряло за холмы, полицейские установили прожектора и запустили генератор. Эксперты и оперативники перебрались на новую площадку, Дюпри помог им растянуть заградительную ленту. Когда бугор сфотографировали и обмерили, встал на колени и стал по одной отбрасывать ветки. Потом отступил и кивком подозвал капрала с видеокамерой. В разложившейся руке лежали две двадцатки, резинкой прихваченные к ладони.

Попятившись, Дюпри присел на корточки. Девушка была крохотная. Тотчас пришла мысль о дочери. Свело живот. Дюпри отвернулся и, свесив голову, устался в землю, укрытую ковром из дурман-травы.

Спайви тронул его за плечо:

– Как вы?

Стало лучше, когда он убрал руку. Дюпри глубоко вдохнул, помотал головой и встал:

– Аллергия.

Спайви ушел к реке. Сквозь густые заросли кустов Дюпри продирался к дороге. Голова кружилась, в груди теснило, как при клаустрофобии. Ветки кололи и цеплялись за одежду, досада перетекала в отчаяние и панику, но вот наконец он выбрался на обочину. Вниз по реке полицейские ограничивали запретную зону, растянувшуюся на две мили вдоль берега.

Выше по течению устроили штаб – сейчас там, наверное, замначальника Такер и Бранч, который ждет регулярных рапортов. Дюпри пошел обратно. Дыхание выровнялось, нервы успокоились. Он отер испарину с верхней губы, но капли тотчас выступили снова. За штабом выстроились фургоны телевизионщиков, тарелки спутниковых антенн смотрели на город.

В штабе вяло шла неуклюжая борьба за разграничение полномочий между ФБР и полицией – обе конторы «вызвались» отвечать за определенные направления работы, а окружной шериф отмечал участки, не входящие в городскую территорию. С обнаружением третьего трупа беспрестанно прибывали полицейские, в форме и штатском. Дюпри высматривал Каролину и, не найдя ее, облегченно выдохнул (только этого ей не хватало) и расстроился. Чего скрывать, хотелось ее увидеть.

Солнце село, от земли потянуло прохладой, словно апрельское тепло всего лишь подразнило. Оперативники расхватывали нарезанную пиццу и пластиковые стаканчики с кофе, под светом прожекторов строй машин и фургонов вдоль дороги выглядел сюрреалистической картиной. Под брезентовым навесом лейтенант Бранч и замначальника Такер склонились над картой места

происшествия. Они уже решили, что проведут здесь всю ночь, и тут к ним подошел высокий мускулистый человек в облегающем, вязанном рубчиком свитере. Ламинированная карточка, удостоверявшая принадлежность к ФБР, болталась у него на шее, точно коровий колокольчик. Дюпри где-то его видел. Наверное, по телику.

Такер кинулся пожимать руку незнакомцу:

– Спасибо, что приехали, Джефф. – Он взглянул на Дюпри: – Алан, познакомься – спецгент по надзору Джеффри Макдэниэл, отдел поддержки расследований ФБР.

Теперь Макдэниэл выглядел старше, чем на первый взгляд, – седые виски, впалый живот. Он чавкал жвачкой и смотрел не в глаза, а на ухо собеседника. Не дождавшись ответа от Дюпри, Макдэниэл стиснул его ладонь в цепком рукопожатии.

– Из Куантико, – сказал он.

– Точно, – откликнулся Дюпри. – Австралийская авиалиния.

Макдэниэл даже не моргнул:

– Куантико, Вирджиния. Отдел поведенческого анализа.

– Ага, теперь гораздо понятнее.

Макдэниэл разжал хватку и зашагал к первому труп. Следом потянулись полицейские, словно адъютанты главнокомандующего на поле брани.

– Нам несказанно повезло, – через плечо шепнул Такер. – Джефф работал в Портленде и согласился завернуть к нам на небольшую консультацию. Небывалый случай.

– Вот уж счастье привалило, – ответил Дюпри.

Макдэниэл оглядел труп, словно прикидывая размер доски, задал пару вопросов – время? идентифицирована? – но сам ничего не сказал. Обошел труп, разглядывая его с разных точек. Потом отвернулся и поводил руками, будто воспроизводя какие-то движения. Он себя вел, как актер перед выходом на сцену, и все, включая Дюпри, ждали начала спектакля.

– Жертву убили в другом месте, – сказал Макдэниэл. – И притащили сюда. Огнестрельные раны вторичны, подстраховка. Ногти обломаны – возможно, в потасовке, но скорее всего для сокрытия улики.

Агент ФБР смолк, сел на пригорок и стал жевать травинку.

Дюпри переводил взгляд с Лейрда на лейтенанта. Что за дела? Вот этого они ждали весь день? Обломанных ногтей? Спайви робко подошел к Макдэниэлу. Казалось, он хочет попросить автограф.

– Вы полагаете, деньги – знак, что убиты шлюхи?

Макдэниэл кивнул, не поднимая взгляд:

– Сообщение, что они заслужили смерть.

– Точно, точно, – обрадовался Спайви. – Я тоже так думаю. Ух ты. Здорово. – Носком ботинка он поковырял землю. – Знаете, я раз десять, наверное, прочел вашу книгу.

Наконец Макдэниэл заинтересовался и посмотрел на него.

– То дело в Детройте...

– Кухонный убийца. – Макдэниэл вроде как даже улыбнулся.

– Потрясающе. Его страсть к наручникам и всякому такому. И тот случай в Форт-Уэрте. И Тихоокеанский Убийца. Круто.

Макдэниэл встал и ожег его взглядом:

– Это книга Блантона.

– Что? – Спайви сник.

– Тихоокеанский Убийца – из книги Кёртиса Блантона. Этот говнюк завязал с работой и заколачивает деньгу байками о наших старых делах, да еще в Голливуде консультирует паршивые полицейские киношки. – Макдэниэл отвернулся к реке. – А я вот к вам мотаюсь.

Спайви стоял как побитый.

Терпение Дюпри лопнуло. Он выбрался на берег и зашагал к Мирной долине. Три улицы района бежали параллельно реке, и народ обменивал слухи на страхи, переговариваясь через палисадные изгороди и топчась на межах между обшитыми досками домами. Теперь все видели новый смысл в незнакомых машинах, проскочивших через округу, вспоминали «увальня», доставлявшего газеты, подозрительные автомобильные выхлопы и старикана, конфетами заманивавшего ребятишек в свой дом.

Самые неугомонные зеваки подходили к заградительной ленте и приподнимались на цыпочки, точно публика на турнире по гольфу. Дюпри невольно прислушивался к голосам из толпы. Народ сравнивал все известные ему преступления, пересказывал телесериалы, которые всякого превращали в эксперта по серийным убийствам, и с дрожью в голосе вспоминал вой сирен.

– Угрохали шлюх, делов-то, – донесся женский голос.

Дюпри вгляделся в толпу. Его затрясло от злости. Разобрать, кто это сказал, не удалось. Может, вообще послышалось. Может, это в нем говорили усталость и раздражение. Либо он сам так думал. Под жадными взглядами он почувствовал себя беззащитным и одиноким. Казалось, он один против всего мира, который состоит сплошь из преступников.

Дюпри всматривался в лица и не видел ничего необычного. Однако разыскал капрала Галатту и велел сфотографировать зевак – вдруг среди них затесался убийца.

Накатила усталость, было трудно сосредоточиться. Дюпри глянул на часы. Без малого полночь.

Снова видеть спесивого федерала не хотелось. Дюпри позвонил лейтенанту Бранчу, мол, он берет первый перерыв за день – съездит домой принять душ и переодеться.

Борясь с сонливостью, Дюпри въехал на холм к югу от реки и, остановившись перед своим домом, еще минуту посидел в машине. Потом вылез, подобрал перчатку из детского бейсбола и толкнул незапертую входную дверь. Дебби что, нарочно не запирает дверь, когда его нет дома? Чтоб позлить?

В столовой жена сидела на высоком табурете и читала журнал. Увидев его, сняла очки и грустно улыбнулась. Дюпри улыбнулся в ответ. Ее длинные черные волосы, собранные в конский хвост, падали на плечо, и Алан все еще видел в ней прежнюю девушку, несмотря на расплывшееся морщинистое лицо.

– Ты не заперла дверь, – сказал он.

Дебби кивнула:

– А ты пропустил сеанс.

Два месяца назад они стали ходить к семейному психологу. Надеясь избежать депрессии, поглотившей ее мать, Дебби уже два года посещала психотерапевта и решила, что разлад, подкрадывавшийся к ее браку, требует стороннего вмешательства. Но Дюпри пропустил два из трех сеансов, и сейчас его накрыло волной жениного недовольства.

– Сумасшедший день, – сказал он.

Дебби пожала плечами:

– Я видела новости. Ты сделал что мог.

Стало еще хуже.

– Что читаешь? – спросил Дюпри. Сам он читать не любил, но обожал ее пересказы прочитанного.

Дебби показала ему журнал – что-то о викторианских домах. Она всегда мечтала о таком доме вместо нынешней одноэтажной постройки.

– Как ты себя чувствуешь?

– Устал. – По стене Дюпри сполз на корточки. – Дебби, мне правда жаль...

– Все в порядке, Алан. – Она так произнесла его имя, словно легонько пнула.

Дюпри направился в спальню, на ходу раздеваясь.

– Как все прошло у Стейси?

– Она что-то оставила на столе.

Сначала Дюпри заглянул к одиннадцатилетнему Марку: сын завернулся в одеяло с логотипами Национальной футбольной лиги, волосы – точно ворох соломы. Шестилетняя Стейси во сне открыла рот, цветастый джемпер и белые сандалики аккуратно приготовлены в изножье кровати. Дюпри постоял в дверях и пошел в ванную.

Привалившись к стенке душа, он подставил спину под холодные струи. Закрыв глаза и тотчас увидел руки, ступни, почерневшую плоть и ветки, не полностью прикрывавшие трупы, словно убийца хотел оставить их на виду, хотел, чтобы заметили деньги в их руках.

Речной берег неотступно маячил перед глазами. Дюпри открыл рот, желая выполоскать вкус и запах сорной травы, становища бомжей и гниющей плоти.

Он замер под ледяными струями, а потом резко очнулся и весь напрягся, как бывает после секундного провального сна за рулем или рабочим столом. Дюпри встряхнулся, точно пес. Выйдя из ванной, он ничуть не удивился, что высокий табурет пуст, а свет в спальне погашен.

Каролина ожидала от смерти большего. Может, под влиянием щемящей музыки из какого-то кинофильма, или детского воспоминания о погребальной службе, или клубка тревог в подсознании она всегда думала, что смерти сопутствует нечто вещественное, некое осязаемое ощущение, которым можно поделиться с теми, кто видел долгое медленное умирание, – ну да, конечно, я помню смерть. Когда душа покидает тело, должно что-то произойти – ну, там, дуновение, легкость или внезапная оглушенность.

В кабинете сержанта Лейна Каролина получала выволочку за инцидент с Тормозом Джеем, грозивший отстранением от должности, и тут ей пришло сообщение из больницы. Она перезвонила и, соединившись с лечащим врачом, услышала то, что уже слышала от медсестры. Организм матери изработался, функции его отмирают.

Сержант помрачнел и принял понимающий вид. Он знать не знал, что дело так худо, он переговорит с начальством и объяснит ее срыв состоянием матери. Каролина кивнула. И, к своему удивлению, согласилась, когда Лейн предложил подбросить ее в больницу на служебной машине.

В палате врач теребил губу и, глядя мимо Каролины, подбирал слова, как отмычки к замку:

– Я говорил с вашей матерью... о том... какое лечение... она хотела бы... получить... на этой стадии...

– Я знаю, – сказала Каролина. – Она попросила все отменить.

Врач кивнул и так же осторожно продолжил:

– Если хотите... можно попробовать... перевезти ее домой... и обеспечить уход... как в хосписе.

– На это есть время?

– За последние два дня... она резко сдала. – Впервые врач посмотрел Каролине в глаза. – Пожалуй, что... нет.

Каролина оглянулась на неподвижную мать. Врач похлопал Каролину по руке и вышел в коридор.

Каролина откинулась в кресле, вбирая в себя святость больничной палаты: стерильность, при

глушенный свет, закрытая дверь. Медсестры перевернули мать на спину, уже не заботясь о пролежнях, с которыми боролись последний месяц. Они отключили кислородный аппарат и даже морфийную капельницу. Впервые за долгое время мать лежала сама по себе и хрипло, прерывисто дышала, словно захлебываясь пылью. Склонившись над кроватью, Каролина взяла мамино лицо в ладони и прижалась лбом к ее лбу, почувствовала ее дыхание. Четыре дня назад, когда мать впала в забытие – теперь уже ясно, что навсегда, – Каролину переполняли невысказанные слова. Сейчас они будто испарились. Хотелось просто лечь рядом и ощутить все то, что делало мать матерью, – ее плоть, юмор и обаяние, тепло коленей. Последний этап болезни не оставлял времени на жалость к себе – Каролина лишь сострадала матери и желала хоть чем-то облегчить ее муку. Но теперь, представив жизнь без этого человека, себе Каролина сочувствовала больше.

Может быть, мать уже ушла, оставив после себя лишь механическое дыхание и угасающие рефлексy. А может быть, она еще здесь и грезит о посиделках на веранде: в руках у нее чашка кофе и роман, дочь пристроилась рядом и, скрывая улыбку, укоряет ее за злоязыкие пересуды.

– Я люблю тебя, мам, – чуть слышно прошептала Каролина и, выпустив мамино лицо, вновь откинулась в кресле. Пожалуй, все остальное уже сказано. Что толку в квелом славословии и мгновеньях взаимопонимания? Чего они стоят? Может, слова ничего не значат и, едва произнесенные, растворяются в небытии.

Врач сказал, еще сутки, может, чуть больше. Привычка жить поддержит самый хилый организм. Пятьдесят восемь лет он дышал, циркулировал, мыслил, его не выключишь, словно тумблер. Все может растянуться на дни – организм соберется с силами и вновь потащит ношу в гору. А может, остались часы. Каролина решила, что в любом случае не уйдет до конца. Она свернулась в

кресле и, тихонько покачиваясь, взяла мать за руку

Каролина перепугалась, что заснула, нырнула в сонное марево, но сама не понимала, открыты у нее глаза или закрыты. Наверное, если понимаешь, что спишь, ты уже не спишь. Она ничего не видела и не слышала, но, может, и нечего видеть и слышать. Она поискала мамину ладонь, открыла глаза и, увидев руку, безвольно свесившуюся с кровати, поняла, что мамы больше нет.

На секунду показалось, что ее обманули, – вокруг ничего не изменилось, никакая прозрачная тень не взмыла в воздух. Мать просто умерла. Каролина вышла в коридор. Глянула на часы. Полтретьего ночи. Измотанная, она проспала шесть часов. Сестры на посту не было. Каролина сняла трубку и набрала междугородный номер.

– Кхм. Алло, – ответил сонный женский голос. Мачеха.

– Рамона? Отец дома?

– Каролина?

– Отец дома? Я обещала ему позвонить.

– Хорошо. Сейчас.

Шепот, шорох простыней.

– Каролина? – Отец прокашлялся.

– Она умерла, папа. – И вот тогда хлынули слезы. Каролина давилась безудержными рыданиями, и их отголоски, скакавшие по устланным дорожками коридорам, привлекли медсестру.

– Каролина, – пискнул отцовский голос в трубке, ходившей ходуном. – Ты меня слышишь?

Каролина отдала трубку сестре, села на пол, закрыла руками голову и зажмурилась, содрогаясь в рыданиях. Медсестра что-то сказала отцу, повесила

трубку и помогла Каролине подняться. Они прошли в конец коридора и шагнули на балкон, смотревший на город. Так и стояли, пока Каролина не справилась со слезами и глубоко не вдохнула.

– Надо позвонить брату, – сказала она.

– Потом. Успеется.

Каролина кивнула.

– Я вызову врача, – сказала медсестра. – Он должен взглянуть на вашу маму.

– Можно я здесь постою?

Сестра разрешила. Перегнувшись через перила, Каролина смотрела в темноту. Ветер холодил лицо, чуть обжигая глаза, еще мокрые от слез. Жидкий ручеек машин тек по шоссе и улицам, народ расходился из баров, волочаясь под руку с незнакомцами или бросая якорь под окнами бывших возлюбленных. В половине третьего ночи всякое движение – это поток отчаяния.

За шоссе виднелась река – шов, прорезавший город. Огибая остров Канада и Прибрежный парк, минуя водопады и плотину, река, извиваясь, медленно текла на запад. Где-то там Паленый, подумала Каролина, вспомнив, как на долю секунды соприкоснулись их руки. Она посмотрела на ладонь и сжала кулак. Странно, что мальчишка-наркоторговец не дает ей покоя. Если б она так же спасала мать. Вновь подступили слезы; уже тихие, они скатывались по щекам и капали на перила.

И вот тогда Каролина поняла: у смерти все же есть особенность, которую прежде она не замечала. Нечто привычное, ты ежедневно улавливаешь это во взглядах незнакомцев, в одиноких прогулках у реки и минутах покоя. Понимание того, что в конечном счете ты уходишь одиноким, сколько бы людей тебя ни окружало.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Тереза Мари Мейбри

Родилась 9 августа 1942 г.

Скончалась 30 апреля 2001 г.

Любимая мать и друг

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся.

Вдруг, во мгновение ока... и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся».

1-е Коринфянам, 15:51-52

Закрытая погребальная церемония. Без поминок.

Часть вторая

Май. Шахматная партия

Кресло, трон из потемневшего дуба в кожаной обивке, выглядело даже внушительнее его хозяйки – полной темноволосой белой женщины, которая, постукивая ручкой по оправе бифокальных очков, изучала заполненный Каролиной формуляр. В конце каждой страницы Вики Юинг взглядывала поверх очков, а затем утыкалась в следующий лист.

– Вы не заполнили графу «Экстренные контакты».

Каролина посмотрела на пустую строчку и подумала о матери. Еще мелькнула мысль о Дюпри.

– У меня есть мужчина. Джоэл Беланджер, – сказала она. – Адрес тот же.

Доктор Юинг вписала имя и, сняв очки, взглянула на Каролину:

– Вы также не заполнили целый раздел, в котором предлагается описать вашу проблему... ваши тревоги....

Каролина встала, взяла со стеллажа медицинский справочник в мягкой обложке и осмотрела расхлябанный корешок:

– Похоже, вы сюда заглядываете.

– Бывает. Мы говорили о вашей проблеме.

– По-моему, нет никакой проблемы.

– Прекрасно. Значит, выдался легкий день. Но поскольку у нас еще сорок минут, может, поговорим о том, почему вы здесь?

На секунду Каролина задумалась.

– Я здесь, потому что мой сержант считает, что женщина не способна справиться с гнетом детективной работы.

– А вы способны?

– Я шваркнула парня мордой о камин. Наверное, зря.

– Это было в прошлом месяце? В тот день умерла ваша мать?

Каролина кивнула:

– Три недели назад. Что это за кресло такое?

Доктор Юинг поерзала на кожаном сиденье:

– Отец страшно обрадовался, что в семье есть врач. Я бы избавилась от подарка, но боюсь – вдруг отец заглянет.

Каролина посмотрела в справочник, открывшийся на странице о kleptomании. Потом оглядела кабинет и усмехнулась:

– Профессиональные услуги. Забавно. Кто-нибудь приходит разобраться с налогами? Или удалить бородавку?

Доктор Юинг улыбнулась:

– Нет.

– Значит, единственная услуга – вправка мозгов. Но это лишь одна услуга. Может, вернее назваться «Профессиональная услуга»?

– Я консультирую правоохранительные учреждения: поведение преступника, психологические

травмы жертв... Бывает, подхалтуриваю вправкой мозгов. Выходит, множественные услуги. Ладно, будет вам. Сядьте.

Каролина села, и тут вдруг оказалось, что сеанс не такая уж тягомотина, а докторша – забавная, славная тетка. Они поговорили об ужасном апреле. Инцидент с Тормозом Джеем доставил немало хлопот: тот заявил, что после «изуверства» у него упало зрение и возникли головокружения. Газетчикам

полицейское начальство сказал, что «подозреваемый зацепился за детектива», но адвокат Джея грозил иском к городской администрации. Прокурор предложил сделку: никаких исков, и тогда он снимет обвинение в сбыте наркотиков. К счастью для Каролины, прокурор отказался снять обвинение в жестоком обращении с ребенком, и потому Тормоз Джей все равно получит срок.

Каролину отстранили от работы на неделю, которая так и так ушла бы на горестные хлопоты и траур, и записали в ее личном деле, что она нарушила «правила применения силы». Каролина предполагала, что если б не смерть матери, ее бы просто вышибли из полиции. Но, по чести, мамина кончина и жестокость к Джею не имели ничего общего.

– Вы правда так думаете? – спросила доктор Юинг.

Каролину вдруг одолела сонливость. За эти три недели она не могла уснуть больше чем на час или два, словно все еще пыталась застать маму в момент ухода.

– Не знаю, – наконец сказала Каролина. – Будь это кто другой, я бы, наверное, согласилась, что связи нет. Но тогда я думала лишь о том, как эта сволочь измывается над ребенком. И просто хотела ему врезать.

– У вас есть дети?

– Нет.

– Вы упомянули мужчину...

– Он немного моложе меня, однако в сыновья не годится.

Доктор Юинг рассмеялась:

– Я не об этом. Насколько он моложе?

– Не понимаю, как это связано с моей психикой.

– На пять лет?

Каролина пожала плечами и улыбнулась в пол.

– На десять?

– Хорошо. Ему шесть лет. Он первоклашка.

Доктор Юинг глянула на часы и добродушно усмехнулась:

– Мы перебрали пять минут. О вашем мужчине поговорим в следующий раз.

– Будет следующий раз?

– Вы не хотите?

– Если мне собираются платить за то, что я прихожу к вам и мы болтаем о своем, о девичьем, – что ж, прекрасно. Но если честно, я не понимаю, какой в этом прок. Вы только не обижайтесь...

– Нет, конечно нет.

– ...но мне это не нужно. У меня был тяжелый месяц на работе и умерла мама. Вот и все. Конец истории. Хотите знать, обижена ли я на отца, который бросил мать? Разумеется. Переживаю ли, что годы уходят, и у меня, может, никогда не будет мужа и детей? Ежедневно. Осатанела ли я от облав на молокососов с наркотой? Вы даже не представляете, как я осатанела. Но только чокнутой все это было бы по барабану. Вы согласны?

Долгую минуту доктор Юинг смотрела на нее, чуть улыбаясь.

– Вы набросились на арестованного, который был в наручниках и лежал на полу. Ударили его головой о каменный камин. Полицейский не должен так поступать.

– Всякое бывает.

Помолчали. Доктор Юинг встала:

– Потерпите, Каролина. Иногда нужно два сеанса, чтобы вправить хорошие мозги.

13

С учетом города Кёр-д'Ален в Айдахо, университетских городков Чейни и Пуллман на юге и поселка Дир-Парк на севере население Большого Спокана достигало 450 000 человек. Если допустить, что половина из них – женщины, оставалось 225 000 мужчин, и половине из них от шестнадцати до пятидесяти пяти – возраст, подходящий для серийного убийцы.

Дюпри предъявил блокнот Полларду и Спайви:

– То есть у нас 112 500 подозреваемых.

Поллард посмотрел на цифры как на творение сумасшедшего, но Спайви тотчас стал переписывать их в свой блокнот. Дюпри повернул страницу, чтоб Спайви было удобнее.

– Уточню, – сказал Поллард. – Ты собираешься допросить сто тысяч человек?

– Нет. Просто говорю, что в городе такого масштаба это реально.

– Вон как.

– Может, «реально» – не точное слово. Однако наша нынешняя тактика ничуть не лучше. Уже три недели проверяем телефонные наводки и перебираем протоколы опросов. Пропади оно пропадом. Давайте заведем досье на всех. Сто тысяч подозреваемых.

Поллард так смотрел, словно Дюпри заговорил по-французски.

– Поймите, серийный убийца не может действовать в городе меньше Спокана. Вы когда-нибудь слышали о серийных убийствах в поселках? Уже после первого

случая старина Энди возьмет за жабры чудаковатого цирюльника Флойда и упечет его в каталажку, а тетушка Би станет носить ему передачи. В мегаполисе может набраться миллион подозреваемых. Сто тысяч кажется много, но если десять детективов допросят по десять человек в день? Бабах, и через сто дней мы раскроем все преступления.

Поллард пытался понять, в чем юмор, Спайви все принимал за чистую монету. Так и не дождавшись концовки анекдота, Поллард одним глотком допил кофе, смял пластиковый стаканчик и встал.

– Ты меня беспокоишь, старик, – сказал он. – Пойду допрашивать ломбардщика. Похоже, банк ты не сорвешь.

После того как Дюпри возглавил группу по серийным убийствам, его дела, включая два убийства от Ленин Райана, перешли к Полларду.

Тот вышел из кафетерия, и Дюпри посмотрел на Спайви, который внимательно изучал цифры в блокноте.

– А как быть с проезжими – дальнобойщиками, всякими иногородними?

Дюпри разглядывал юнца. Короткие темные волосы, челочка; дуги густых бровей, из-за которых на лице застыло вечное изумление. Дюпри пожаловался лейтенанту, но тот стал защищать Спайви – мол, он лучший из кандидатов, с отличием закончил колледж. Парень, дескать, серьезный и усердный, и если Дюпри проявит терпение, он, может, и сам кое-что переймет от напарника.

– Мы не будем допрашивать сто тысяч человек, – сказал Дюпри. – Я вроде как... проиллюстрировал, насколько сложно отыскать убийцу.

– А, шутка. – Спайви скривился в ухмылке и подмигнул, словно помог разыграть недотепу Полларда.

Дюпри встал, отслоил долларовую купюру и обернул ею свой недоеденный пончик. Следом за ним Спайви пересек дворик, разделявший суд и Управление общественной безопасности. Дюпри набрал короткий код, и дверь, зажужжав, впустила их в вестибюль, общий для разных следственных подразделений.

За убойным отделом их встретила еще одна дверь с кодовым замком. Дюпри ввел номер, и они очутились в конференц-зале, ставшем командным пунктом группы. Три стола, развернутых друг к другу, уставлены календарями, телефонами, органайзерами и лотками с входящими-исходящими бумагами. На панели определителя номера высвечивались имя и адрес всякого звонившего стукача. В зале стояли три компьютера, секретарша принимала телефонные сообщения. После того как городские власти объявили вознаграждение в пять тысяч долларов за информацию о Споканском Сплавщике, звонили беспрестанно.

Флайшер, придумавший кличку, выиграл двадцать пять баксов. Его вариант имел все, что нужно для хорошего прозвища серийного убийцы: точность, звучность и, как говорят риелторы, местоположение, местоположение, местоположение. Все согласились, что прочие варианты – Прибрежный Убийца, Душитель из Мирной долины – хуже, а Мочило Споканских Шлюх отдает дурновкусием. Дюпри бросил пятерку в призовой фонд и предложил назвать убийцу Брэндонем (он где-то прочел, что сейчас это самое распространенное мужское имя), но уже в который раз никто не оценил его гениальность. Осчастливленные газетные и телевизионные редакторы призвали графиков, и те в творческом припадке выдавали на-гора эмблемы, карты событий и зловещие фоны для заголовков о Споканском Сплавщике. Осталось только сочинить песню-лейтмотив, думал Дюпри.

На стене, над картой речного берега, висели фотографии трех жертв. Ребекку Беннетт убили почти два месяца назад, в начале апреля. Все следы остыли, мало кто ее вообще помнил. Вторая относительно недавняя жертва – двадцатидевятилетняя проститутка Шарла Макмайл, ее сбросили в ту же промоину, где нашли Ребекку Беннетт. Никто не помнил, когда последний раз видел Шарлу, и потому этот след остыл, как первый. На третьей фотографии была тридцатиоднолетняя портлендская проститутка Дженнифер Скэггз, которую последний раз видели живой пять недель назад.

Других таких женщин, чье исчезновение никого бы не беспокоило, еще поискать. Все обставлено просто потрясающе. Никаких свидетелей. Никаких родительских звонков в полицию. Ни друзей, ни родни, никто не встревожился, даже сутенеры. Та же картина на месте происшествия: ни следов, ни отпечатков шин; убийца не оставил ничего, кроме сорока баксов каждой жертве. Никаких отпечатков пальцев на деньгах и телах – ногти сорваны, для пущей верности руки облиты хлоркой. Жертвы, похоже, подверглись насилию, но следов спермы,

как ни странно, нет. Неизвестно, как убийца доставил тела. Прямо призрак какой-то.

От городской полиции делом занимались Дюпри, Лейрд и Спайви. Их группу усилили пронырливым детективом из ведомства шерифа, патрульным, а также мускулистым аналитиком Джеффом Макдэниэлом, который через два дня отбыл, обещав содействие из Куантико. На взгляд Дюпри, главный талант аналитика проявился в том, чтобы трапезничать с начальством и приударять за секретаршами. Макдэниэл сказал, что вернется и создаст «полный профиль» Споканского Сплавщика. Буду ждать затаив дыхание, пообещал Дюпри.

После того как обнаружили второй и третий трупы, жизнь на Ист-Спрейг-авеню, где трудились поколения проституток, практически замерла. Полицию захлестнула волна доносов, наиболее интересные переправляли в группу Дюпри. Ежедневно он и его коллеги набирали пачки сообщений, висели на телефоне и ездили допрашивать несуществующих друзей и родственников жертв. Большинство сообщений были откровенной дурью: «мой парень какой-то странный», «мой сосед смотрит порнуху». Но каждое приходилось проверять, ибо можно сильно оконфузиться, если через четыре месяца после ареста преступника какая-нибудь обывательница заявит телерепортеру, что сообщала в полицию о каннибале, смотревшем странные фильмы.

Однако жизнь постепенно входила в нормальное русло: шлюхи вновь фланировали по Ист-Спрейг, число звонков сократилось. Дюпри хватался за доносы как за соломинку, но вряд ли они могли что-нибудь добавить к уже известным фактам.

В лотке лежало штук двадцать-тридцать сообщений. Дюпри вытянул два: таксист «весь покрылся мурашками», когда вез пассажира, получившего УДО; шлюха ограбила брата звонившего, и этот брат затаил зло. Дюпри решил начать со второго сигнала – набрал номер и представился.

– Тут сказано, что проститутка ограбила вашего брата.

Человек прокашлялся:

– Ага. Или стриптизерша, точно не знаю.

– Давно это было?

– Ну, пару лет.

– Он проявлял жесткость к женщинам?

– Отметелил свою подружку. За что и схлопотал срок.

– Так он в тюрьме?

– Угу.

– То есть сейчас он сидит?

– Ага.

– Когда его посадили?

– Пару месяцев.

Дюпри сник.

– Вы знаете, что последнее убийство произошло три недели назад?

– Да, но я подумал, может, его отпустили на побывку.

– На побывку.

– Ага. Я должен дать показания, чтобы получить награду?

Дюпри повесил трубку и пробил имя братца, который, как выяснилось, сидел уже три года. Распечатал справку и, снабдив ее розовым ярлыком, бросил в исходящий лоток.

Затем позвонил таксисту, тот не ответил. Дюпри потянулся к следующей карточке, но рука так и осталась на толстой пачке листов. Эта лотерея ничуть не лучше безумного варианта допросить всех мужчин в округе. Нет, подобного глухаря не припомнить. Обычно бывало так: обнаружен труп – и в течение суток ты выясняешь, кто убийца. Доказать вину – это уже другое дело, но подозреваемый налицо. Застрелена женщина – потряси ее мужа. Грохнули кабатчика – возмись за его партнера. Завалили бандита – найди, кому он насолил. Можно составить график результатов расследования, основываясь на времени, потраченном на поиск подозреваемого. Нашел в первые двадцать четыре часа – девяносто процентов за обвинительный приговор. Семьдесят два часа? Вероятность шестьдесят процентов. Затем кривая резко падала. Но три недели? Шансы, что дело дойдет до суда, один к двадцати. Тем более что убиты проститутки. Стоило почитать телетайпные сводки из других городов, чтобы понять, как ничтожны шансы раскрыть это дело. В Портленде убили восемь проституток, в Ванкувере больше тридцати. Похоже, во всех городах расследовали убийства шлюх. И почему-то чаще всего на северо-западе страны. Спокан тоже имел шлейф схожих дел – за последнее десятилетие в городе убили около дюжины проституток. Последняя жертва – Шелли Нордлинг, с перерезанным горлом ее выбросили из машины. Ну и конечно, король подобных дел – Убийца с Грин-Ривер[8 - Гэри Леон Риджуэй (р. 1949), известный как «Убийца с Грин-Ривер», совершил многочисленные убийства женщин в 1980—1990-х. Через двадцать лет ДНК-анализ доказал его виновность. В 2003 г. Риджуэя приговорили к 48 пожизненным срокам без возможности условно-досрочного освобождения.] на окраинах Сиэтла. Сорок девять женщин, почти все бывшие и действующие проститутки. Глухарь.

Конечно, группа Дюпри пыталась что-то делать: присматривалась к отсидевшим насильникам и тем, кто получил срок за избиение проститутки, устраивала облавы на шлюх и их клиентов и даже установила камеры наблюдения в местах съема жриц любви. Горстка детективов-женщин (среди них Каролина) шаталась по улицам, расспрашивала проституток и составляла списки опасных клиентов. Нынче особый отдел затевал постановку: женщина-полицейский (возможно, Каролина) встанет на углу, а копы задержат и допросят всякого, кто к ней подъедет. Но шансы на успех почти нулевые. Нет, ставка один к двадцати слишком оптимистична. Вернее будет один к пятидесяти, а то и один к миллиону. Конечно, Дюпри знал, что может изменить расклад. Новый труп. Новое место преступления с новыми уликами. А пока звонки наугад и ожидание очередного убийства.

Дюпри взял следующую карточку. Некая Аменд, проживавшая в районе Уэст-Сентрал возле реки, сообщала, что ее сосед часто уходит из дома в семь вечера и возвращается в два ночи. Дважды вернулся в компании женщин, которых Аменд назвала «непорядочными».

– Везунчик. – Дюпри перевернул листок.

И все? Он уже хотел отправить сообщение к исходящим, но взгляд зацепил фамилию соседа. Верлок. Что-то знакомое. Дюпри набрал номер Аменд, но та не ответила. Верлок. Дюпри постучал карточкой по очкам. Раскрыл телефонный справочник. Ага, есть – Верлок, Кевин. Имя крутилось в голове, не давало покоя. Дюпри пробил его в Национальном центре криминальной информации, но за Верлоком ничего не числилось. И все-таки имя знакомое. Конечно, сперва надо бы поговорить с соседкой, но после трехнедельного тупика искушение просто неодолимо. Дюпри глянул на лоток, полный карточек, и понял, что не сможет весь день копаться в бумажках. Иногда надо бить с лета. Он набрал номер.

Ответили после первого гудка:

– Кевин слушает.

– Мистер Верлок? Я Алан Дюпри, полицейское управление. Моя группа расследует убийство трех проституток. К нам поступил звонок, и мы решили поговорить с вами.

– Конечно. Чем могу служить?

Конечно? Дюпри опешил. Он ожидал, что человек будет отнекиваться, закроется и даже запаникует. Но дружелюбная готовность помочь застала его врасплох, и он стал блефовать:

– Понимаете, мы пытаемся раздобыть любую информацию, и тут всплыло ваше имя.

– Ясно. Один мой наряд работает на Ист-Спрейг. «Бухта Лэндерс», центр продажи катеров. Ребята все время гоняют шлюх – девчонки так и норовят забраться в катер. Могу вас с ними связать или показать дежурные журналы,

если вас интересует.

– Журналы... Кхм.

– Сам-то я никого не вижу. Сажу в диспетчерской – это вроде как ночная смена.

– В диспетчерской? – промямлил Дюпри.

– Ну да, охранный бизнес. Вы же из-за этого звоните?

И тут Дюпри вспомнил.

Кевин Верлок был патрульным. Лет восемь-девять назад он остановил машину для обычной проверки и получил пулю в спину. Воистину захватывающий сюжет. Потом он открыл охранное агентство – его сотрудники патрулировали кварталы, где живут богатые старики, дежурили в школах, на концертах и деловых встречах. Дюпри замутило. Кевин Верлок был хороший коп и в охранники брал бывших копов. Но убийцей он не мог быть вовсе не поэтому.

– Алло?

– Да, извините. Тут секретарь приняла один звонок.

– И что? – не понял Верлок.

– Ужасно неловко... – Дюпри поскреб голову.

Кевин Верлок расхохотался:

– Господи! Небось вам миссис Аменд позвонила. Она считает меня серийным убийцей? Потеха. Чокнутая баба. Она от меня шарахается, даже когда я забираю газеты. Смехота.

– Пожалуйста, извините. Я увидел ваше имя, оно показалось знакомым, но я как-то не сообразил. – Дюпри медленно отложил карточку. – Я... прошу прощения.

– Нет, вы меня взяли. Надо было смекнуть, что попадусь. – Кевин ржал. – Сознаюсь. Этим женщин я переехал коляской.

После ранения Верлок был частично парализован и передвигался в коляске.

Дюпри уткнулся головой в столешницу, а Кевин заходился смехом:

– Мой поделщик – слепой старик. Но он просто водила. Трупы таскаю я.

Дюпри терпел болезненные подначки от другого копа, прекрасно понимавшего, что коллега лопухнулся. Когда Верлок наконец отсмеялся, Дюпри распрощался как можно вежливее.

Он посмотрел на кипу карточек. Значит, вот так оно и будет? Таксисты в мурашках, зеки и бывшие полицейские в инвалидных колясках? Дюпри смахнул лоток со стола, карточки разлетелись по полу. Что самое интересное, никто из сыщиков и головы не поднял.

14

Девушка уверяла, что ей двадцать, но явно врала. Блеклая худышка, короткие сальные волосы, глупые глаза, колечко в брови. Она жадно хлебала суп, купленный Каролиной, и, расправившись с булочкой из дрожжевого теста, цапнула цельнозерновой хлеб своей кормилицы.

– Я говорила о парне, который любит кусаться?

– Да.

– А про того, что подпалил меня зажигалкой?

– Ты сказала, его зовут Дэйв то ли Майк.

– Ага, чё-то вроде того. – Прикончив суп, девчонка разорвала пакетик с крекерами. – Еще один мужик дерет волосья. Прямо клоками. Интересно?

Каролина кивнула и придвинула ей свой суп. Девушка раз-другой глубоко вздохнула, еще подумала и, наконец, сообщила, что ее зовут Жаклин. Казалось, она примеряет имя, будто шляпку. Чтобы не отпугнуть, Каролина проглотила очередное вранье.

– Вы не хотите суп? – спросила Жаклин.

– Я не очень голодная.

Девушка закинула в себя две ложки супа и лишь потом продолжила рассказ:

– Я была с ним раза три-четыре, что ли. Отдерет, заставит отсосать, а потом рвет волосья на шапке. Я такая, ты чё, я ж на работе. Надо брать с него побольше.

– Как его зовут?

– Как-то обычно.

Каролина отложила блокнот:

– Майк то ли Дэйв?

– Вроде того.

– Фамилия-то у него есть?

– Наверняка. – Жаклин обмакнула Каролинину булочку в Каролинин суп.

– На чем ездит?

– На грузовике.

Похоже, все ее клиенты – белые водители Дэйвы то ли Майки.

– Грузовик-то американский?

– Кажись.

– Какого года?

Девушка пожала плечами.

– Старый, новый?

– Почем я знаю.

– А цвет какой?

– Темный. Я не разглядывала.

– Сможешь описать мужика? Он высокий?

– Так, средний.

– Какого примерно возраста?

– Ой, старый. Лет тридцать-сорок, чё-то так.

– Нет, тридцать или сорок? Может, он лысый? Очкарик? В костюме? Длинноволосый? Одноногий? Носит попугая на плече?

– Не, ничего эдакого. Он такой, знаете... ну, обычный.

– М-да. А случалось, что клиенты отказывались платить? Или хотели тебя изнасиловать?

Жаклин рассмеялась, потом уставилась в суп и посерьезнела:

– Сколько там страниц в вашем блокноте?

Через полчаса Каролина оплатила счет и купила ей сэндвич на вынос. Она попыталась выяснить настоящее имя девицы, но та уверяла, что она Жаклин, просто не захватила никакого удостоверения. Каролина сунула ей свою визитку и попросила быть осторожной, работать с товарками и звонить, если что вспомнит. Или если кто-нибудь покажется подозрительным.

– В смысле?

– Ну вдруг подвалит такой, что просто жуть берет.

Жаклин глянула на визитку и хохотнула:

– Мэм, меня от всех мужиков жуть берет.

В машине Каролина пролистала записи – нынче она поговорила с шестью проститутками. Со страниц прыгали слова «укусил», «саданул», «зарезали», «удушили», «избили», истории о групповом изнасиловании под угрозой ножа, о пивных бутылках и пистолетных стволах в вагинах, о домогательствах дядьев, учителей и надзирающих чиновников. Имена, описания, детали сливались, от них перехватывало горло – все обычные мужики, Майки и Дэйвы. Может, поиск страшного извращенца – это ошибка? Может, проще отсеять всех нестрашных белых мужчин, разъезжающих в грузовиках? Мэм, меня от всех мужиков жуть берет.

Каролина с ходу распознавала уличных шлюх. Она служила в отделе, который возник из старой доброй полиции нравов, занимавшейся проституцией, азартными играми и наркотиками – забавным собранием преступлений, некогда считавшихся пороками. В семидесятые наркотики стали бедствием и полицию нравов преобразовали в особый отдел, который сосредоточился на наркобизнесе, но иногда участвовал в облавах на проституток – какую-нибудь патрульную превращали в размалеванную шалаву и ставили на углу. Если никто из патрульных или студенток академии не соглашался уронить свое достоинство, Каролина лицедействовала сама. Копы подшучивали – мол, для шлюхи она слишком миловидна и пышет здоровьем. В кино шлюхи выглядели как Джулия Робертс и Джейми Ли Кёртис, но в жизни были уродливы, толсты, больны и издерганны. Даже самым приличным из них – кто работал в отелях и службах эскорта – не помешало бы принять душ.

Группа Дюпри попросила особый отдел о помощи, и Каролина, хоть не любила маскарады, знала, что вызовется сама, как вызвалась опрашивать шлюх – далеко не простое задание, ибо те всеми силами избегали копов. И вот нынче вечером она станет живцом – нарядится и займет позицию возле порномагазина и бара с гологрудыми официантками. Шлюшья вахта.

Весь день ее мучили мысли о фальши дешевого наряда, под которым спрятан микрофон, о губной помаде, пачкающей зубы, и необходимости отклячивать задницу, из-за чего наутро жутко ломило поясницу. Наверное, стоило спросить Жаклин, как она умудряется избежать болей в спине.

Странно уделять внимание тому, чего обычно даже не замечаешь. Спокон веку проституция считалась данностью, о которой и говорить-то не стоит. Многие наркодельцы приторговывали девочками – скажем, Паленый был сутенером парочки наркоманок, которых сдавал у себя на дому. И это было лишь фактом их биографии, графой в криминальном досье наряду с возрастом, местом рождения и работы. Пожалуй, большинство копов считали проституцию не преступлением, а его симптомом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19057665&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Хэки-сэк – игра, в которой участники ногами перетасовывают друг друга матерчатый мешочек с бобами. – Здесь и далее примеч. перев.

2

«Чиппендейлы» – американская хореографическая группа стриптизеров, созданная в 1979 г.

3

Ефрем Цимбалист-младший (1918–2014) – американский актер, снимавшийся в телевизионных сериалах-боевиках.

4

Строка из 16-го сонета цикла «Сто сонетов о любви» Пабло Неруды: «Так я ступаю по твоей пылающей плоти, целую тебя, крохотную и планетарную, мою голубку, мой мир».

5

Уоллес Стивенс (1879–1955) – американский поэт. Речь о его стихотворении The Emperor of Ice-cream (1922).

6

Около 27 °C.

7

Гомер Пайл – простоватый автомеханик, персонаж телевизионного «Шоу Энди Гриффита» (The Andy Griffith Show, 1962–1969).

8

Гэри Леон Риджуэй (р. 1949), известный как «Убийца с Грин-Ривер», совершил многочисленные убийства женщин в 1980—1990-х. Через двадцать лет ДНК-анализ доказал его виновность. В 2003 г. Риджуэя приговорили к 48 пожизненным срокам без возможности условно-досрочного освобождения.

Купить: <https://tellnovel.com/dzhess-uolter/nad-osevshimi-mogilami-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)